

Аркадий Ислибаевич Мурзашев

Древняя история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27618944

SelfPub; 2019

Аннотация

Он никогда не любил человека, ибо человек в том смысле, в каком все привыкли произносить это слово, есть лишь жалкое подобие того, чем может стать. Он всегда любил человека только как возможность раскрытия в нем того великого, что есть в этом мире полном света и огня, полном мрака и холода. Он любил человека как возможность стать тем, кто сможет соединить в себе извечные противоположности мира и достичь истины, которая есть суть всех вещей того мира иллюзий, в какой по воле своего рождения помещен человек.

Он никогда не любил человека, ибо человек в том смысле, в каком все привыкли произносить это слово, есть лишь жалкое подобие того, чем может стать.

Он всегда любил человека только как возможность раскрытия в нем того великого, что есть в этом мире, полном света и огня, мрака и холода.

Он любил человека как возможность стать тем, кто сможет соединить в себе извечные противоположности мира и достичь истины, которая есть суть всех вещей того мира иллюзий, в каком по воле своего рождения помещен человек.

Бывают в жизни такие события, над которыми время не властно. Это происходит от того, что эти события властвуют над тобой и твоим временем. Эти события не имеют срока давности, и изменения, к которым они привели, остаются, не затухают со временем. И только хитрый и изворотливый человеческий ум пытается принизить их значимость. Принизить, так что начинает казаться, что ничего и не было. Что же тогда было? – думаешь ты в такие моменты, – может быть, сон? Сон, который оставил столько изменений? Ну а тогда ты думаешь: а не сон ли вся жизнь...?

* * *

Был поздний ноябрьский вечер. Я на своей старенькой

«Тойоте» нарезал бессмысленные круги по разбитым и темным улицам города. Было где-то около одиннадцати. Вспоминая сейчас свое тогдашнее состояние, я порой прихожу в отчаяние, а иногда меня охватывает тихая грусть. С высоты сегодняшнего дня мне трудно описать то, что я испытывал тогда. Причина моего состояния была в том, что в тот вечер я проводил Свету. Наверное, единственную женщину, которую любил по-настоящему. В тот день она уехала в маленький городок в соседней области, где жила ее мать. Потом у нее в планах был Питер. Меня в ее планах уже не было. Не было, несмотря на то, что, прощаясь со мной на вокзале, она плакала. Она плакала совершенно так же, как плакала почти четыре месяца назад, жарким летом. Тогда она предприняла очередную попытку уехать в Ленинград. Этот город она почему-то называла старым, еще советским именем, хотя официально город, куда стремилась Света, уже давно именовался Санкт-Петербургом.

В первый раз в город своей мечты она попыталась уехать два года назад, но вернулась, по ее словам, из-за мужчины, которого любила. И вот в конце февраля того года, когда все и произошло, ее любимый мужчина нелепо погиб.

Когда мы познакомились с ней, с того трагического для нее дня прошло два месяца. Я был у нее первым мужчиной после гибели мужа, и, наверное, поэтому наши встречи сначала были странными. Она, казалось, стеснялась близости со мной, хотя ее никак нельзя было назвать недотрогой. Поче-

му-то она считала наши встречи изменой погибшему мужу. Со временем моя настойчивость победила, и мы стали жить вместе. В те дни я был счастлив. Я никогда в жизни не был так счастлив, как тогда. Но в ее планах еще до встречи со мной был отъезд в Питер. Надо сказать, что Света по характеру была упрямой. Ее упрямство в этом случае проявилось в том, что несмотря на то, что мы вместе были очень счастливы, планов по отъезду в Питер она не оставила. И вот жарким летом, спустя три месяца после нашего знакомства, она уехала. Я тогда еще втайне надеялся, что также, как это и было уже два года назад, она вернется, но теперь уже ко мне.

Я так надеялся, потому как знал, что она меня любит. Об этом говорило все: ее поступки, слова, эмоции, которые я легко читал. Об этом говорили ее взгляды, которые я жадно ловил. Но сама она сама ничего не говорила. Она говорила, что со мной ей хорошо, но меня не любит. Я же, видя, что было скрыто за ее глупыми словами, был спокоен, надеясь, что ее истинное внутреннее состояние победит то, что она, боясь чего-то, выстраивала с помощью слов. Я по своему опыту знал, что истинная внутренняя сущность, человека всегда является определяющей и всегда выходит на поверхность. Самое удивительное, что этого не произошло. Не произошло, несмотря на все мои магические усилия. Сейчас по истечении нескольких лет я понимаю: мне просто не хватило времени. А тогда, жарким летом, она уехала, оставив во мне надежду, что ее поездка будет поездкой только для отдыха.

Ее поведение не поддавалось логике, хотя логика не обязательно присуща человеческим поступкам. После той поездки в Питер она действительно вернулась в наш город, но только затем, чтобы отработать в поликлинике, где она работала до отъезда, положенные по закону две недели. В те две недели она, опасаясь, что я смогу помешать ее планам, избегала встреч со мной, чем доставила мне неисчислимые страдания. Я же молча и глупо страдал, молча и гордо страдал, не понимая еще, что тем самым я делаю непоправимое. Будь я сейчас в той ситуации, я бы сделал все по-другому. Я бы обязательно оставил ее. Но тогда я этого не сделал. Мне, тогдашнему, было важнее страдать, чувствуя себя брошенным, чем снова обрести свою любимую женщину. Говорят, что настоящая любовь приходит человеку только раз в жизни, я никогда этому не верил, сейчас же понимаю, что это все обстоит именно так. И вот из своей глупой гордости я допустил, чтобы она в очередной раз уехала.

В тот период, казалось, даже пространство было против нашего сближения. События складывались таким образом, чтобы помешать этому. Через месяц после ее первой попытки уехать в Питер, Света призналась мне, что был день, когда, находясь в гостях у своей подруги, жившей на одном этаже со мной, она хотела зайти и остаться переночевать у меня. Но в тот день я, справляя на работе чей-то день рождения, напился до такого состояния, что ребята не даже рискнули посадить меня в такси. В тот вечер я так и проспал в офисе

до утра, а Света, не дождавшись, уехала.

Небольшим просветлением в наших отношениях в тот год был ее последний, зимний, приезд в Томск. Это случилось в первых числах ноября. Света потом призналась мне – главной причиной ее приезда был я. Она говорила, что очень захотела любви... У меня тогда вновь появилась надежда, что я смогу ее удержать, но этого опять не произошло... И вот, проводив ее и посадив в вагон, я бессмысленно нарезал круги по вечернему городу, который, накрывшись мокрым снежным одеялом, собирался отходить ко сну. На улице было примерно минус пять, шел противный сырой снег, и порывистый ветер заставлял редких прохожих кутаться в свою одежду...

...Этот человек возник совершенно неожиданно. Я ехал по широкому проспекту Мира, и вдруг в двадцати метрах впереди моей машины неожиданно вспыхнул свет так, словно разорвалась осветительная ракета. Но огненных брызг при этом не было. Была только яркая голубая вспышка, которая длилась доли секунды. Эта короткая и непонятная вспышка осветила темную фигуру, которая находилась или появилась вместе со вспышкой прямо посреди улицы, прямо на пути моей машины. Все произошло так неожиданно, что я невольно нажал на тормоз, но машина продолжала двигаться: под колесами был слегка припорошенный снегом голый лед. Чтобы не сбить этого странного человека, я, вывернув

руль и нажав на газ, объехал его и лишь затем резко затормозил. В результате моих действий машину развернуло и она, ударившись задними колесами о бордюр, остановилась.

Мне показалось, что я зацепил пешехода, но подбежав к тому месту, где в голубой вспышке я заметил темную фигуру, понял – все обошлось... Темная фигура оказалась весьма странным созданием. Не пугайтесь, на инопланетянина создание было совсем не похоже. Это был человек, только одет он был несколько странно, но последнее меня ничуть не беспокоило. Этот человек, одетый не по времени года, стоял, как ни в чем не бывало, и, улыбаясь, как-то беспомощно смотрел на меня. Одет он был в длинный плащ, больше похожий на греческий хитон. На голове была шляпа..., да, не удивляйтесь, шляпа с перьями... Было очевидно, что создание было несколько не обеспокоено и не смущено, что едва не попало под колеса. Об этом говорила ироничная и в то же время какая-то беспомощная улыбка..., и голос. Да, спокойный и слегка ироничный голос. Именно таким голосом странно одетый мужчина сказал мне:

– Милейший господин, не соизволите ли подвезти меня до ближайшей гостиницы? – Неправильно поняв мое замешательство, он продолжил. – Я Вам заплачу. Какие тут у вас ходят деньги? Форинты? Золотые дукаты? А..., наверное, доллары (ударение он сделал на последнем слове) ...

Говоря эти слова, странный человек машинально сунул руку под плащ, мне показалось, что он проверяет, на месте

ли кошелек с деньгами, который при такой одежде мог быть только мешочком, висящим на поясе. Видно, удостоверившись, что кошелек, который наверняка был набит золотыми монетами, на месте, он взял меня, оторопевшего от всего происходящего, под локоть и повел к машине. Повозившись некоторое время с дверной ручкой, принцип работы которой, судя по всему, ему был наверняка не знаком, он открыл пассажирскую дверь и сел.

– Милейший, садитесь, пожалуйста. Кто же поведет сию карету, или... кажется Вы называете это машиной, и доставит меня по назначению? – сказал он спокойным, наигранно удивленным голосом.

Пока я садился и заводил двигатель, он внимательно и бесцеремонно рассматривал меня:

Едва двигатель тихо заурчал, он заговорил вновь:

– Да..., – сказал он, – я вижу, в таком состоянии деньги Вам ни к чему...

Сказав это, он опять замолчал, его явно заинтересовала светящаяся цветными огнями приборная панель. Он некоторое время изучал ее. Потом его заинтересовала стрелка тахометра, которая слегка колебалась около деления, показывающего тысячу оборотов в минуту. Он, хмыкнув, что-то отметил для себя и продолжил:

– А, она действительно красивая..., и самая подходящая для вас, она, несомненно, Вас любит, только по своей глупости пока еще не знает этого..., – он говорил медленно, слов-

но читал в своей голове какой-то текст, — она еще не знает, что такое настоящая любовь... Любовь! Она считает, что любовь — это когда больно, но ведь Вы и я знаем, что любовь и боль — вещи разные. Да! Она, несомненно, Вас любит, ведь сказала же однажды: «Как хорошо, что ты есть...». Вы правы, сударь, деньги сейчас Вам ни к чему...

Сказав последние слова, которые зажгли в моей груди щемящую тоску, он опять замолчал. Двигатель машины мерно урчал, а мы оба молчали. Мне сказать было нечего. А пассажир, не обращая на меня никакого внимания, что-то просчитывал в своей голове, покрытой редкими седыми волосами (шляпу он снял и держал ее на коленях). Так прошло минут десять и все происходившее уже начинало казаться каким-то нелепым балаганом. Именно в этот момент странно одетый незнакомец вновь заговорил, он, казалось, уже забыл все произошедшее и сказанное им:

— А знаете, что? — сказал он громким и звонким голосом, так, что я вздрогнул — Я расскажу Вам одну историю... Про одного человека... Эта история очень длинная... — он опять замолчал, опять что-то хмыкнул себе под нос, и продолжил, — Но ничего, время у меня есть, да и жизнь Вам впереди предстоит длинная. Нам обоим времени на все хватит...

Я же, слушая бессмысленную, как мне показалось в первый момент, болтовню этого человека, сидел, не решаясь тронуться. Мерное урчание двигателя слегка успокоила ме-

ня, и ко мне вернулась способность анализировать. Через некоторое время до меня наконец-то дошло: мой навязчивый пассажир совершенно свободно читает мои мысли! Про себя я машинально отметил, что чтение мыслей не такая уж сложная вещь, но легкость, с которой это делал незнакомец, поразила меня.

Поняв это, я предпринял было попытку исследовать энергетику своего пассажира. Не скажу, что это удалось мне. Удалось узнать, что странный пассажир весьма непрост. Его эмоции не поддавались сканированию, но барьера, который мешал бы этому, не было. Просто, наверняка, его чувства и эмоции были столь тонки, что сквозь них я просто проскакивал. Мысли его также не читались: как только я начинал нащупывать их, они словно бы взлетали вверх, становясь «прозрачными», такими, что мои энергетические щупальца проходили насквозь, ничего не улавливая.

Все это время мой пассажир сидел и с насмешкой смотрел на меня. Он, без сомнения, чувствовал все мои потуги. Безуспешность моих попыток его только забавляла. В конце концов, он засмеялся:

– Сударь, прекратите шариться внутри моих полей. Мне щекотно.

От его громкого прозвучавшего голоса я вздрогнул и повернулся в его сторону. Наши взгляды встретились. Взгляд блекло серых глаз был бездонным. Таким бездонным, что я начал тонуть в нем. И, если бы не опыт пятилетних занятий

тем, что я условно называю биоэнергетикой, я бы провалился в эти глаза и перестал бы, по крайней мере на время, существовать как самостоятельная личность. Мне все же в последний момент, чудом уцепившись за какой-то спасительный образ, неожиданно всплывший в моей памяти, удалось остановиться, и я вернулся в реальность. Собеседник отвел глаза и уже более уважительно, но все еще насмешливо сказал:

– А Вы, сударь, все-таки не так безнадежны, как показалось мне на первый взгляд. Есть в Вас тонкость! Тонкость-то есть, а вот полях лазаєте, как слон в посудной лавке. Что за неуважение? Ведь умеете же! Вашей тонкости хватило сначала для того, чтобы чуть не последовать в вечность, выражением которой являются мои глаза. Этой же тонкости хватило и для того, чтобы в последний момент остановиться.

Сказав это, мой странный пассажир поудобнее уселся в кресло, проверил ремень, которым был пристегнут:

– Поехали! Долго будем мы тут стоять? Прошу Вас, милейший! Езжайте помедленней, на улице скользко, а Вы не в себе. – говорил он мне, как говорят маленьким детям, – Будьте, пожалуйста, осторожней, мне отпущена долгая жизнь, и я не хотел бы по вине какого-то начинающего мага прервать ее раньше времени. Мне нужна гостиница, комфортная гостиница и, желательно, подальше от городского шума, поближе к природе.

Я тогда, наверное, был либо загипнотизирован его голо-

сом, либо мне тогда было на все наплевать. Я включил передачу и, отжав сцепление и подчиняясь убаюкивающему голосу незнакомца, тронулся. По дороге я машинально начал перебирать варианты, представителем какой же эзотерической школы мог быть мой попутчик. Первой догадкой было – серебровец. Но насколько я знал из рассказов, представители этой школы больший упор делали не на тонкость, а на мощностъ. На этих мой пассажир не был похож. Веригенцев в нашем городе было много. Но на них он тоже не был похож, все эти люди, считавшие себя учениками уважаемого мной Веригина, легко получали свои ступени, но на самом деле ничего серьезного из себя не представляли, а мой пассажир несомненно был очень серьезным человеком. Так, размышляя, я, сам того не подозревая, выбрал маршрут, конечным пунктом которого была гостиница «Рубин». Она удовлетворяла всем требованиям, которые предъявил этот странный незнакомец. Я с усмешкой отметил для себя, что выбор мной сделан либо подсознательно, либо с помощью этого странного человека, который сидел рядом в пассажирском кресле и с интересом смотрел на проплывающий за окнами вечерний город. Поймав мой изучающий взгляд, он сказал:

– Не трудитесь сударь, Вы все равно не догадаетесь, кто был моим Учителем, хотя о нём Вы много слышали. – Он помолчал некоторое время, пытаясь уловить мою реакцию, но мое состояние было таково, что мне было не до реакций. Поняв это, он продолжил. – Моим Учителем был Иисус Хри-

стос, Будда и Заратустра.

От ирреальности всего происходящего у меня уже кружилась голова, я достал сигарету, закурил. Я надеялся, что табачный дым снимет наваждение, каким мне начал казаться мой пассажир, но этого не произошло, а мой собеседник продолжал говорить таким убедительным тоном, так просто и непринужденно, что после нескольких его фраз уже не возникало никаких сомнений по поводу его искренности. Он явно не был сумасшедшим. Обычно сумасшедшие не появляются посередине улицы во вспышке голубого света. Да и опыт мой показывал, что сумасшедшие не могут обладать теми способностями, какими обладал незнакомец. Я невольно стал верить всему, что говорил этот навязавшийся мне пассажир. Но все же последние его слова никак не вязались с тем, что я знал. Я, невольно притормозив, остановил машину. Оглянувшись по сторонам, я понял, что мы стоим на проспекте Фрунзе недалеко от Советского РОВД. Мелькнувшую дурацкую мысль о том, что странного пассажира можно сдать в милицию, я отбросил и спросил:

– Вы хотите сказать, что учились по книгам этих людей? Но, насколько я знаю, тому, чем Вы владеете, нельзя научиться, читая книги.

– Нет, – сказал мой собеседник, – я сказал буквально, как все было на самом деле. – И продолжил, чеканя слова. – Моим Учителем был человек, вошедший в историю под именами, которые я только что назвал. И более того, я сам родил-

ся почти тысячу лет назад. Я немного похож на того Кощея из текста, используемого вами во время медитаций, которые почему-то называете «загрузками».

Отчеканив это, он добавил:

– Вам надо будет привыкнуть принимать все, что я говорю, буквально.

Сказав это, он очень внимательно посмотрел на меня. Меня вдруг расслабило. Его взгляд был таким понимающим и участливым, что комок подскочил к моему горлу. Напряжение этого дня готово было вот-вот вырваться наружу, и если б я не сдержался, то, наверное, заплакал бы, как маленький ребенок. Поняв мое состояние, незнакомец, как бы успокаивая и убаюкивая своим тихим участливым голосом, продолжил:

– Да... – сказал он несколько растягивая слова, – Я вижу, Вы устали, Тяжело же Вам пришлось сегодня... Вы расстались с любимой женщиной, а тут еще я свалился Вам на голову... Давайте сделаем так: Вы сейчас отвезете меня в гостиницу, а завтра мы встретимся, скажем, так, часов в двенадцать в ресторане при гостинице. Ведь при гостинице же есть ресторан? Вы будете без машины, и мы спокойно поговорим. За коньяком или водкой я Вам все расскажу. Может быть, Вам удастся меня понять. Надеюсь, наш разговор обоим пойдет на пользу.

Я тронул машину, и через десять минут мы уже были у подъезда гостиницы «Рубин». Выходя он сказал:

– Итак, сударь, (мне начинало уже нравится такое обращение ко мне, от которого веяло романтикой 19 века) не забудьте, я жду Вас завтра ровно в полдень здесь, в ресторане. До завтра!

Я не помню, как в тот вечер доехал до стоянки, как поставил машину и добрался до дома. Помню только, что по дороге домой я зашел в магазин и купил бутылку водки. Перед сном я много выпил. Во время потрясений водка на меня почти не действует, и в тот вечер выпил я много. Утром меня разбудило веселое чириканье воробьев, доносящее сквозь открытую форточку, был веселый солнечный зимний день. Произошедшее вчера казалось сном...

На часах было 11.00. Едва мой взгляд коснулся часов, как в моей еще затуманенной похмельем голове всплыли слова незнакомца: «...Я жду Вас ровно в полдень...». Да... как бы не хотелось, произошедшее вчера сном никак не могло быть... Я принял душ, почистил, стоя под струей горячей воды, зубы, наскоро перекусил остатками вчерашней закуски, и жадно закуривая сигарету, вышел из дому. Как я уже сказал, был солнечный морозный день, холодный воздух, жадно вдыхаемый мной, смысл все остатки похмелья. Взяв одну из двух машин, стоявших на стоянке, минут за двадцать я доехал до места. По дороге отметил, что у меня даже и мысли не возникло, что можно не ехать на встречу со вчерашним незнакомцем. И все же по дороге мне казалось, что, приехав на место, я никого там не застаю, и все, произошедшее вче-

ра, останется в моей памяти как какое-то нелепое наваждение, как сон, приснившийся после выпитой бутылки водки. Но как бы там ни было, ровно в 12.00 я уже входил вестибюль гостиницы. Слева от входной двери был вход в ресторан.

Все произошедшее вчерашним вечером сном не было. Мой вчерашний пассажир сидел за дальним столиком. Столик стоял то ли под фикусом, то ли под пальмой. На сей раз одежда незнакомца более соответствовала времени и моде. На нем были вельветовые кремового цвета джинсы и теплый темно-синий пуловер, вырез которого открывал светло-розовую рубашку, верхняя пуговица которой была не застегнута. Галстука не было. Диссонансом к его одеянию были восточные, с загнутыми наверх носками, тапочки без задников. Но его лицо было таким колоритным, что этот диссонанс находился в какой-то непонятной гармонии со всем его обликом.

На столике стояла запотевшая литровая бутылка водки и большое блюдо с мясным ассорти. Две маленьких стопки и тарелочки с овощным салатом, украшенным листиками петрушки и укропа, дополняли стол. Заметив меня, мой вчерашний ночной попутчик встал и, широко улыбаясь, предложил мне сесть. Я сел за стол и хотел было что-то сказать, но вчерашний пассажир жестом остановил меня, всем видом показывая, что говорить пока нельзя, наполнил две маленькие стопочки водкой, подал мне одну.

– Я жил в те времена, когда в отношениях людей боль-

шую роль играли всякие формальности. – сказал он, – Давайте, прежде чем начать приятную беседу, выполним маленькую формальность, познакомимся. Меня зовут Иуда или Давид, можете называть так, как Вам будет угодно. Ваше имя я спрашивать не буду, я знаю – Вас зовут Алексей. Выпьем за знакомство. – сказав это, он поднес свою стопку ко рту и как-то лихо опрокинул ее себе в рот.

Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру. Водка, приятно обжигая пищевод, скатилась в желудок и бодрящим огнем разошлась по всему телу. Я повеселел и с интересом стал наблюдать за своим сотрапезником. Человек, называвший себя Иудой или Давидом, был худощавого телосложения. Эта худощавость не скрывалась, а только подчеркивалась широким пуловером, который, несмотря на то, что был по размеру, все же висел на нем как на вешалке. Лицо было удлинненным и украшалось большим горбатым еврейским носом. В принципе внешностью Давид или Иуда обладал очень ординарной. Но сочетание блекло-серых, но почему-то очень ярких глаз и этого лица делали его весьма колоритным, таким, что женщины, сидевшие за соседним столиком, уже начали заглядываться на него.

Тем временем Давид (это его имя мне больше понравилось, поэтому в дальнейшем я буду называть его так) налил по второй и снова предложил выпить, что я машинально и сделал. Водка уже начала действовать. У меня развязался язык, и я начал было:

– Так Вы говорите, что являетесь учеником Иисуса, Будды и Заратустры одновременно...

Тут Давид снова прервал меня: «Погодите, милейший, осталась еще одна маленькая формальность». Сказав это, он в третий раз за наполнил стопки, поднял свою, и мне ничего не оставалось, как поднять свою.

– Я не привык говорить «Вы», сказал он, – давайте выпьем на брудершафт и продолжим нашу приятную беседу, которая вчера началась при таких странных обстоятельствах».

Мы стоя выпили, поцеловались, сели. Я продолжил:

– Так Вы, извините, ты говоришь, что являешься учеником Иисуса, Будды и Заратустры? Но ты же сказал, что родился всего тысячу лет назад (водка, гулявшая в крови, сделала свое дело, и меня уже не смущал тот факт, что нормальный человек не может столько прожить), но, как известно, эти люди или боги жили, по крайней мере, две-три тысячи лет назад. И если поверить тому, что тебе действительно столько лет, то даже в этом случае в твоих словах есть противоречия.

Внимательно и насмешливо выслушав меня, Давид ответил вопросом:

– Кому известно, и как известно, что это было две-три тысячи лет назад? А вот мне, например, известно, что все эти люди были одним и тем же человеком, мне также известно, что этот человек жил не более тысячи лет тому назад. Это мне известно так же, как и то, что я сижу тут рядом с тобой

и пью водку. Ваши историки что-то там напутали. Мне даже кажется, — он понизил голос и перешел почти на шепот, — что они это сделали сознательно для того, чтобы скрыть истину — тайну жизни этого Великого человека. Пойми меня! Этот человек не был богом, он был таким же, как и мы, как ты. Но он, в отличие от других, живо интересовался тем, что же находится за гранью обывательского восприятия. И... — он опять перешел на шепот, — ему удалось узнать это, он понял смысл земного существования. И лишь поэтому ему и удалось стать тем, кого невежи зовут богом... Это был сильный и мужественный человек, мужественный настолько, насколько мужественным может быть маг... — Он прервался, отрешенно замолчал..., потом, словно вернувшись откуда-то издалека, продолжил... — А вот люди в угоду своим низменным страстям сделали из него страдальца. Они надеются, что этот человек своими страданиями искупил все их ошибки, которые они совершили или еще совершат. Но! Он никогда не собирался искупать чужие грехи и исправлять чужие ошибки. Он знал, что это невозможно. Даже ты сам знаешь, что человек всегда сам отвечает за свои поступки. Он никогда не был страдальцем. Он всегда был человеком стремления и действия.

Последние слова мой собеседник произнес твердо, как отчеканил, в его голосе послышался звон. Я слышал, что в древности подлинность монет проверяли по их звону. Таким голосом, каким говорил Давид, невозможно говорить

неправду, — подумал я. Давид же, заметив мое желание задать вопрос, сказал:

— Давай же выпьем за этого человека. Давай выпьем за этого Великого человека, а затем я тебе расскажу все, что знаю о нем. Я был одним из его учеников. Многое из всего, что с ним происходило, происходило на моих глазах.

Мы опять стоя выпили, он плотно закусил, слегка отодвинулся от стола, поправил воротничок светло-розовой рубашки и начал:

— Над когда-то тихой и мирной равниной вставало солнце. Оно осветило...

Тут я привожу его рассказ, который перемежался тем, что мы периодически вставали и пили за героя повествования, но, несмотря на изрядное количество выпитого, я запомнил все почти слово в слово, а может, такое впечатывание явилось результатом какого-то магического воздействия на меня. Когда он говорил, мне даже чудилось, что я вижу все это почти наяву.

Итак...

Над когда-то тихой и мирной равниной вставало солнце. Оно осветило небольшую оливковую рощицу, деревья которой стремительно откинули длинную тень. Эта тень хищно разделила равнину надвое — вдоль небольшой речушки, протекающей меж невысоких, поросших кустиками холмов. Над речушкой местами поднимался туман и, сдуваемый легким

утренним ветерком, быстро рассеивался. В траве и кустах повсюду затрещали, и запели разнообразные обитатели этих мест. И только ухо искушенного знатока этих мест могло бы обнаружить в этом, казалось бы, веселом стрекотании тревожные нотки. Солнце поднималось все выше и выше. Тень, отбрасываемая оливковой рощицей, становилась все меньше и меньше, пока не спряталась на опушке рощицы, перестав хищно разделять прекрасную, полную жизни и воздуха равнину надвое.

Отступившая тень открыла взору одинокого путника, расположившегося под деревом, картину, более живописную, чем вид прекрасной равнины. По обеим сторонам от небольшой речки на расстоянии чуть больше полета стрелы стояли вооруженные люди. Солнце, поднявшееся уже довольно высоко, весело играло на их ярких металлических шлемах и доспехах, отбрасывало зайчики от наконечников копий, которыми грозно ошетинились многочисленные шеренги людей. Этих людей от всех других отличала та расслабленная напряженность, свойственная тем, кто уже отрешился от земной жизни и готов предстать перед неизвестностью, которая ждет его за порогом. За тем порогом, о котором сознательный человек начинает задумываться уже в период раннего детства. Хотя жрецы и священники говорят, что там другая жизнь, но нет на земле человека, который вернулся бы оттуда и подтвердил это.

Итак, солнце играло на наконечниках мечей и копий. Ме-

таллические щиты, которыми были вооружены всадники, отбрасывали солнечные зайчики способные ослепить, если на них долго смотреть. Друг напротив друга стояли вооруженные люди, пришедшие сюда, одни для того, чтобы умереть или защитить, отстоять свой привычный, некогда мирный, уклад жизни, другие, для того, чтобы умереть или пройти дальше туда, куда толкала их неумная воля Правителя, молодого и отважного царя, покорившего за несколько лет, полных кровавых боев, половину известного им мира. До этого дня его войску всегда сопутствовала удача. После каждой битвы его трубы играли грозную победную песнь. Песнь, которую уже слышали многие завоеванные, но не поработанные народы. Он не облагал огромными поборами завоеванные народы, а довольствовался богатствами и сокровищами их правителей. Эти богатства и сокровища были так велики, что их с лихвой хватало на покупку продовольствия для его верных воинов, фуража для лошадей, и всего остального, что было необходимо в его неумолимом движении на Восток. Зачем он стремился туда? На этот вопрос, оставаясь логичным и честным перед собой, он и сам не мог ответить. С самого детства в нем жило это стремление, стремление, смысл которого он не осознал даже сейчас, когда его цель была так близка. Командиры его воинов и сами воины уже давно ничего не спрашивали, их устраивали обычные слова, которые говорились в подобных случаях: честь, доблесть, слава. Их опьянила его стремительная воля и победы, кото-

рые хотя и с трудом, но с непостижимой для обывательской логики легкостью всегда сопутствовали им в их нелегком походе.

Солнце поднималось все выше и выше, а войска все стояли, не трогаясь с места, было ясно, оба предводителя выжидали один, известный только им момент, когда на карту можно будет поставить все. В этот момент, они знали, отряды воинов, брошенные вперед их волей, наиболее яростно и стремительно атакуют позиции противника. Молодой Правитель это знал еще с юности, хотя этому его никто не учил. И это знание помогло ему стать сначала во главе небольшого царства, а затем и во главе этого войска, в котором насчитывался не один десяток тысяч воинов. Этот момент был важен еще и потому, что после него ход битвы уже частично выходил из-под контроля. Хотя и были резервы, бросая в бой которые, можно было управлять ходом сражения, значение мига, в который затрубят трубы, зовущие воинов на приступ, было больше. Этот миг давал общий настрой – дух боя, который потом трудно переломить.

Наблюдавший за этим противостоянием путник, прятаясь за деревом, оценив направление возможного движения колонн, занял более безопасную, на его взгляд, позицию. Он, стараясь быть незамеченным, скрытно перебрался в кусты, растущие над небольшим оврагом, образованным, небольшим ручейком, впадавшим в речушку, разделявшую две грозные армии. Поменяв место своего положения, он бо-

лее внимательно пригляделся к армии, которая была расположена на том же берегу, что и он.

Эта армия, на первый взгляд, была не так живописна, хотя бы потому, что стояла она к нему своим тылом. Не сверкали на солнце стальные мечи, да и щиты у воинов этой армии были по большей части кожаные, но шлемы также яростно отражали солнечные лучи. В этой армии было больше всадников, но они были вооружены легче, чем грозные, закованные в тяжелые латы всадники противоположной стороны. Судя по осанке, и взглядам воинов, которые ему удавалось видеть, когда они оборачивались назад в сторону шатра своего царя в надежде увидеть знак к наступлению, можно было сделать вывод, что эти воины настроены отважно, так же, как и западные, и готовы умереть или победить в предстоящем бою. Но в их взглядах угадывался также и глубоко спрятанный в душах страх. Страх от того, что они не очень-то надеялись на победу, ибо знали, каким грозным был противник, уже захвативший не одно царство, победивший не одного правителя и предводителя войск, некогда таких же грозных, как и их. Про него говорили, что само небо помогает ему... В глубине своей души, той глубине, которая редко осознается, они уже почти смирились с поражением. Но, не желая осознавать это, они были готовы биться на смерть. Они готовы были умереть, не потому, что за их спинами были их семьи. Они знали: жены, и дети не пострадают, – про милосердие Молодого Правителя ходили легенды. Он никогда не разре-

шал своим солдатам грабить мирных жителей. (Это не было ни проявлением жалости, ни проявлением милосердия. Это было проявлением прагматичности. Молодой правитель не хотел оставлять в своем тылу озлобленные народы.)

Воины царя, противостоящего молодому Правителю, были готовы победить или умереть, потому, что за их спинами был весь привычный, впитанный с молоком матери, уклад жизни, с законами, пусть и несправедливыми, но привычными, с жизнью, которая часто граничила с нищетой, но также была привычной и простой. Человек больше всего боится не физических лишений и смерти, а необходимости менять свои привычки и миропонимание. И часто, отстаивая одному ему понятные идеалы, он готов идти на смерть, хотя почти всегда на поверку эти идеалы оказываются чистой фикцией, игрой ума, придуманной для более легкого управления обществом, необходимость в котором всегда ощущали цари и правители.

Все это видел и знал путник, спрятавшийся в небольшом кустарнике, над оврагом, образованным ручейком, впадавшим в небольшую речушку, разделяющую две грозные армии. Воины одной армии были готовы умереть или победить, послушные стремительной воле своего молодого Правителя. Эту волю они не понимали, но смутно, в глубине души, знали, что за цель движет их полководцем и она, эта цель, в той же глубине души, была ими принята. Воины другой армии были готовы умереть или победить, нет, вернее будет сказать

— отстоять свои позиции и страну для того, чтобы защитить свои ценности, а, может быть, и предрассудки, но так глубоко они не задумывались, облекая свои смутные стремления в привычные фразы типа: это наш долг, защита родной страны и другие, на какие богат обывательский ум.

Тем временем поднявшееся солнце стало нагревать латы и доспехи воинов обеих армий, готовых среди столь живописной природы начать убивать друг друга, убивать ради одной, им понятной, цели, той цели, которая, если разобраться, никогда не была их личной. Понимая, что медлить уже нельзя, оба предводителя почти одновременно дали команду к наступлению. С обеих сторон раздались оглушительные звуки труб и барабанов. Это произошло так неожиданно, что наблюдатель, притаившийся в кустах над небольшим оврагом, даже присел от неожиданности. В первое время нельзя было понять, какую мелодию играют оркестры обеих армий: все звуки слились и сплелись в невообразимую какофонию. С кустов и деревьев взлетели птицы. Мелкие птахи беспорядочно в страхе заметались в воздухе. Вороны, древние обитатели этих мест, степенно поднялись и медленно стали кружить над полем предстоящей битвы, предчувствуя скорое пиршество. Вороны жили долго и знали, что скоро эта равнина покроется трупами людей, на которых можно будет долго пировать, поедая останки павших, пока могильщики победившей армии не похоронят всех. Одних с почетом, других побросают в общие ямы и кое-как прикроют красно-

ватой землей. И будет непонятно почему земля красная? То ли это естественный цвет ее, или она стала красной от обильно пролитой крови.

Через некоторое время ухо прятавшегося путника стало различать мелодии, которые исполняли оркестры. С противоположного берега неслись бравые аккорды, в этих аккордах не было ни капли жалости, ни капли привычных для человека чувств мелодий и эмоций. В мелодии звучала воля к победе, к победе ради победы. Ее ритмы были созвучны звучанию безбрежных просторов неизведанного, и они звали к этому неизведанному. и малопонятному. В этой музыке чувствовалось то неземное, неподдающееся привычной логике, что толкало молодого предводителя вперед, туда, откуда встает Солнце. В мелодии же оркестра противостоящей армии хотя и слышались бравые аккорды, слух путника все же обнаруживал мирные мотивы и эмоции. В мелодии слышалась тоска женщины, проводившей мужа на войну, плач ребенка, и тонкая печаль молодой девушки, ожидающей возвращения молодого воина, которого она видела лишь случайно и изредка и который почему-то, по даже самой ей неизвестной причине, запал в душу. Все эти чувства и эмоции, которыми были пропитаны марши обеих армий, по-разному настроили воинов. Но цель у всех, по большому счету, была одна – победить или умереть, обеспечить победу, если это потребуется, ценой своей жизни.

Пока одинокий путник прислушивался к звукам маршей,

обе армии бросились вперед. Первые ряды восточных воинов с криком и улюлюканьем кто на лошадях, кто пешком бросились через речку и стали забрасывать камнями из пращей и стрелами из луков стройные ряды западных, которые, сомкнув щиты, и, выставив перед собой частокол длинных копий, медленно, но неумолимо двинулись вперед. Раздался звук трубы, передавая какой-то непонятный сигнал, и тысячи стрел, пущенных из-за ровных медленнодвигающихся шеренг, понеслись на передовые отряды восточных. От стрел многие из легких конников и пехотинцев попадали либо за-мертво, либо тяжело ранеными. Легко раненные же, огрыза-ясь стрелами и камнями из пращей, стали отступать. Те же, кого не задели стрелы, ничего не замечая, продолжали бе-жать вперед в слепой надежде пробить стройные ряды про-тивника. Они знали, что это невозможно, вперед их толкала то ли необъяснимая ярость, созданная звуками родного мар-ша, который продолжал звучать за их спинами, то ли никому не понятная страсть, доставшаяся человеку еще с древней-ших времен. Страсть умереть во имя своего племени, рода, государства. Вновь засвистели стрелы, пущенные невидимы-ми лучниками, и вновь попадали нападавшие. По полю, пе-ред медленно наступающей тяжелой пехотой, носились ко-ни. Часть из них была без седоков, часть с седоками, безжиз-ненно лежавшими на крупах. Некоторые из всадников свиса-ли на стремянах, шлемы многих были потеряны. Их волосы, развеваясь на ветру, подметали пыльную землю. Один всад-

ник хотел было подняться в седло и ослабевшими руками от раны, полученной в плечо, начал подтягиваться, но стрела, пущенная с противоположной стороны, вновь поразила его. И, сорвавшись со стремя, со стрелой, торчащей из горла, он упал на пыльную землю, и был затоптан обезумевшими лошадьми. Из его горла не раздалось и стога то ли потому, что горло его было поражено, толи потому что это был настоящий воин. Настоящие воины умирают молча, с улыбкой на лице. Но эту улыбку, если она и была, из-за заслонивших его лошадиных копыт никто не увидел. На поле от него осталось лишь то жалкое, что трудно назвать человеком, и только щит, втоптаный в останки, говорил, что это был воин.

В результате ужасной работы западных лучников, скрытых за спинами мерно наступавших шеренг, достигнуть до частокола копий и умереть на них удалось лишь малой части нападавших. Цель погибших была не в том, чтобы пробить этот грозный строй, а лишь в том, чтобы хоть как-то расстроить его и, даже больше, в том, чтобы своей героической смертью воодушевить армию, частью которой они были. По сути, все погибшие первой волны были смертниками. Но отвага, родной марш и присутствие товарищей, смотрящих на тебя, порой придают столько храбрости и безумства, что начинаешь верить, что можно пройти невредимым даже сквозь такой смертоносный строй, каким являлась фаланга Александра, Александра Македонского, ибо так звали молодого правителя.

Солнце уже близилось к зениту, когда ошестиненные копьями шеренги западных, под прикрытием легкой конницы, налетевшей откуда-то с обеих сторон, медленно переправились через речушку. Река не составила им серьезной преграды, воины, легко преодолев ее, твердо ступая ногами в мокрых сандалиях, продолжили свое неумолимое движение уже на противоположном берегу. Через некоторое время они приблизились к тяжелой пехоте противника, вооруженной короткими копьями, бессильными против частокола их длинных копий. Под неумолимым давлением тяжелая пехота восточных, теряя убитыми и ранеными сотни своих бойцов, начала медленно отступать. Раненные, попадая на землю, жили не долго – они затаптывались и закалывались короткими мечами воинов фаланг. Неумолимое и планомерное движение фаланг оставляло на земле свой ужасный след. После них оставались затоптанные и истерзанные трупы, обильно политая кровью земля и вытоптанная трава. Среди этих трупов были и трупы копьеносцев – не всем удалось уберечься от стрел лучников противника.

Солнце уже начало переваливать за зенит, когда давление фаланг Александра стало таким, что местами тяжелая пехота противника, все же пытаясь сохранить свой строй, начала медленно отступать. Местами же ей непостижимым образом удавалось частично расстроить и даже прорвать стройные ряды фаланг. Но фаланги имели свойство быстро восстанавливаться. Раненые воины и воины, потерявшие свои

копья, быстро уходили в тыл, другие – по команде начальника, двигаясь слева и справа к центру, быстро смыкали ряды. Медленное движение фаланг продолжалось, и это продвижение наносило невосполнимый урон противнику, его воины, не желая, а, наверное, и не имея возможности отступать из-за давления стоявших сзади, гибли сотнями.

В результате нескольких прорывов, которые были быстро восстановлены, две передовые фаланги стали менее широки, чем были раньше, этим и воспользовался противник. Под звуки труб в стык фаланг ударила выскочившая с тыла тяжелая конница восточных. Этим всадникам, чтобы пробиться, пришлось топтать и рубить своих же, но таков был приказ. Они быстро опрокинули немногочисленную конницу Александра, прикрывавшую стыки фаланг и стали рубить их с флангов в обе стороны. Воины, на которых обрушился этот удар, защищаясь побросали ставшими бесполезными копья и взялись за свои короткие мечи. Но это оружие мало могло защитить их. На флангах некогда ровных шеренг началась свалка. Планомерному движению фаланг пришел конец. Главное правило движения в таком строе предписывало двигаться так же медленно, как движется его самая медленная часть. Это давало ей устойчивость, постоянство и, поэтому несокрушимость. Движение на флангах было прекращено, воины в центре вынуждены были остановиться. Противник, получив передышку, с новыми силами начал атаковать. Усилился и поток стрел, которыми лучники восточных про-

должали осыпать фаланги. Короткие мечи и длинные копья пехотинцев Александра были не пригодны для ближнего боя с конницей противника, атаковавшей их с флангов, и они, разрывая свои стройные ряды, начали медленно отступать. Не имея возможности противостоять всадникам, они гибли сотнями. Ряды воинов первых двух фаланг смешались и рассыпались и разрозненными кучками, добываемые и затапываемые конницей и тяжелой пехотой противника, стали отступать к реке. Берег реки, и так уже обильно пропитанный кровью, покрылся трупами западных воинов.

Где-то в тылу войск Александра зазвучали трубы, и воины, совсем недавно составлявшие строй, который полчаса назад казался несокрушимым, побросав свои длинные копья и раненных, которым уже никто не мог помочь, в беспорядке бросились к реке. Один из воинов, не захотев оставить своего друга умирать под несущимися галопом восточными всадниками, попытался спасти его. Он взвалил своего раненого товарища на плечи и побежал. Он бежал, испуганно озираясь назад. В глазах был ужас, но желание спасти друга было так сильно, что он до последнего не бросил его. Но воин уже устал, да и товарищ его был нелегкой ношей и оба были изрублены и затоптаны атакующими всадниками. После них на берегу реки осталось только кровавое месиво, мало похожее на останки людей.

Тем временем, через речку уже успели переправиться фаланги второго эшелона. Вдоль их стройных рядов неслась

тяжелая конница Александра – тысячи испытанных воинов, пришедшие с ним из далекого балканского царства, которое они помогли ему завоевать. Александр редко бросал в бой свою элитную конницу. Такое во время его похода до этого дня случалось лишь трижды. И вот, свежая, застоявшаяся, вымуштрованная долгими тренировками, соскучившаяся по крови, она, на ходу перестраивая свои ряды в боевой порядок, мчалась вперед, в самую гущу противника – туда, где развевалось знамя предводителя конницы противника. Между тем, свежие фаланги, укрепленные в стыках тяжелой конницей, переправившись через речку, вобравшую в себя кровь тысяч погибших, стали также медленно и неумолимо, как и первые две погибшие и рассеянные, продвигаться в том же направлении.

Воинов этих фаланг не смутила гибель своих товарищей. За три года походов они потеряли многих. Их сердца, может кому-то показаться, ожесточились. Но это не так. В походе они увидели столько смертей и поняли всю бренность земного существования. А человек, понявший эту истину, никогда не бывает жесток сердцем. Он с новой силой начинает любить жизнь, но в этой любви уже нет той жалости к себе, той веры в свою исключительность, которая всегда портит жизнь простого человека.

В этот самый кульминационный момент битвы одинокий путник, наблюдавший за грандиозной битвой, происходящей на некогда мирной равнине, был схвачен. Он так засмотр-

релся, что, забыв всякую осторожность, почти не прятался. Проезжавший недалеко конный разъезд восточных заметил его. Один из всадников спешил, незаметно подкрался и набросил на него волосяной аркан, который в миг опутал его с головы до ног.

– Шпион! Лазутчик! – донеслось до его ушей, ибо из-за мешка, накинутаго на голову, видеть он уже не мог.

– В ставку! К царю его! Пусть расскажет, что он делает в нашем тылу! Может он знает о планах Искандера! – неслось со всех сторон.

Затем он услышал, как командир небольшого отряда, захватившего его, отдал приказание получше прочесать местность в поисках сообщников только что схваченного шпиона, и почувствовал, что лошадь, через круп которой он был переброшен, поскакала.

Наверное, в ставку к царю. – подумал он.

Скачка длилась не более четверти часа. Затем его, связанного, бросили на землю, как он понял, у шатра царя, под присмотром часовых, охранявших своего правителя. Лежа с мешком на голове, опутанный волосяной веревкой, сильно впившейся в тело, он слышал неторопливые разговоры часовых. Они велись на непонятном ему языке. Он, проживший в этой местности меньше полугода, знал об осторожности царя, вследствие которой тот всегда окружал себя охраной, состоявшей сплошь из представителей горного племени, отличавшегося столь же неопикуемой отвагой, как и верностью

к своему господину. Многие восточные правители, зная это прирожденное качество представителей племени, старались набирать из них свою личную охрану. Их отвага не граничила с жестокостью, потому как через некоторое время один из стражников, заметив, как налились жилы на обнаженных руках пленника, ослабил путы так, что они перестали причинять тому боль, но освободиться все равно было нельзя. Да и в этом не было смысла, – вокруг было полно стражников.

Прошло некоторое время и его, уже начавшего от духоты и жары терять сознание, освободили от веревки и мешка и ввели в шатер. В шатре было не так жарко, как снаружи, даже прохладно. Прямо напротив входа в окружении двух стражников позади и нескольких советников впереди сидел царь Измавил. Одет он был в яркие шелковые шаровары, заправленные в красные кожаные сапоги, украшенные серебряными застежками. Грудь его была прикрыта восточным кафтаном ярко красного цвета. Голова же не была покрыта. Легкий кавалерийский шлем стоял перед ним.

Пленник поднял свои глаза и взглянул на царя. Глаза царя светились жестокой мудростью человека, не раз видавшего поражения и победы. Такая мудрость бывает свойственна лишь тем, кому удалось стать правителем людей не по случаю рождения, а благодаря своей воле и уму. Такие люди рано начинают понимать условность всего происходящего, и уже смотрят на все словно со стороны, как бы забавляясь всем, что их окружает, но при этом они цепко держат в своих

руках все нити происходящего. Либо путь к власти делает их такими, либо они достигают власти именно благодаря таким своим качествам, никому это не известно.

Царь устало и грозно посмотрел на пленника, которого поймал его разведочный разъезд, но едва их взгляды встретились, усталость как рукой сняло, он узнал, кто перед ним. Перед ним стоял человек, которого он знал. Тогда он называл себя Заратустрой. Он по его приказанию был приговорен к смерти. И также благодаря его приказанию был тайно спасен. Это случилось два месяца назад. А теперь он стоял и виновато улыбался, и также прямо простодушно, как это было два месяца назад, мягко смотрел в глаза, не отводя взора. Сейчас он был оборванный и помятый, но имел такой же отрешенный вид, как и тогда, два месяца назад.

* * *

Это произошло два месяца назад. В то беспокойное время, когда известия о продвижении на Восток Искандера с каждым днем становились все тревожнее и тревожнее, Измавил и его вельможи только тем и занимались, что анализировали эти известия. А известия были действительно очень тревожные. Совсем неизвестный царь неизвестного государства, которое когда-то было подвластно некогда великому союзу греческих городов, казалось, навсегда распавшемуся, стремительно двигался на Восток, сокрушая на своем пути

все встречающиеся на пути армии, царства и государства. И казалось, что на его пути нет ничего, что способно остановить это неумолимое движение.

А первые сообщения, начавшие поступать о нем несколько лет назад, совсем не тревожили. Кого, казалось, могут серьезно заинтересовать события, происходящие на расстоянии почти двух тысяч километров от твоего царства, на руинах когда-то Великого, а теперь распавшегося союза греческих городов. Кого может заинтересовать судьба молодого царя, почти мальчишки, которому каким-то чудом удалось объединить и подчинить под своим началом остатки перессорившихся греческих городов-государств. Но последующие события показали, что даже он, Измавил, а он по праву считал себя весьма прозорливым человеком, ошибался, не придавая серьезного значения тому, что происходило так далеко от его царства. И теперь этот, когда-то еще никому неизвестный правитель, со своей грозной армией, основную силу которой составляла тяжелая пехота, ряды которой были неприступны ни для стремительной персидской конницы, ни для индийских слонов, приближался к границам его царства, сокрушая на своем пути все, что мешало его движению на Восток. Тогда Измавила ввела в заблуждение вся абсурдность этого движения. Все понимали, что Искандер не сможет удержать в повиновение все народы, завоеванные им, и ждали, что он когда-нибудь остановится, поняв бессмысленность своего похода. Но действия молодого царя не поддава-

лись здравому смыслу, а были продиктованы какой-то высшей, недоступной обычному уму, логикой.

Если бы Измавил понял это тогда, два года назад, когда Искандер только начал свое движение на Восток, захватив Малую Азию, он, пользуясь авторитетом у правителей соседних государств, смог бы объединить их против общего врага. Но время было упущено, а стремительное и абсурдное движение войск Искандера уже не позволило что-либо предпринять в этом направлении. Теперь же приходилось пожинать плоды своей недальновидности.

Итак, в то самое время, когда тревогой было пропитано все вокруг – даже воздух и детский смех на улицах его города, ему доложили, что в город откуда-то с востока, – а на востоке была только Индия, пришел человек, который ходит по улицам его столицы и смущает своими речами народ. Об этом ему сообщили на одном из советов, собираемых еженедельно. На этом совете ему доложили, что речи, которые произносит этот человек перед своими учениками, весьма странны и допускают двоякое толкование. Среди вельмож, собравшихся на совет, не было однозначного мнения о том, что же говорил на самом деле этот пришелец. Одни говорили, что его речи призывают к самосовершенствованию и послушанию, другие же, наоборот, утверждали, что они носят явно подстрекательский характер и зовут то ли к уничтожению государства, то ли к уничтожению человека, что было совсем непонятно. При всем этом мысли, которые излагал этот

человек, и которого народ называл Заратустрой, подавались таким образом, что в них нельзя было найти никакой открытой крамолы. Но одни из собравшихся считали, что эти речи могут дать почву тому, что народ может усомниться в праве его царя Измавила, блистательного повелителя Восточного царства, на власть над жизнью и смертью своих подданных. Больше всего негодовал верховный жрец, видевший в речах пришельца угрозу религии, верховным жрецом которой был. Но так как пришелец напрямую ни о чем таком не говорил, арестовать его без величайшего его, царя Измавила, повеления никто не решился.

Выслушав своих придворных, Блистательный, как он даже сам, правда с иронией, себя называл, знаком приказал всем удалиться. Он, не спеша, прошел за штору, отделявшую его приемный зал от небольшой комнаты с мягким ложем в углу и низким столиком перед ним. В этой комнате он любил отдыхать между приемами, которые в последнее время стали утомлять его. Он не стал ложиться, а присел на корточки, как часто привык это делать. Сам налил в кубок вина, сделал небольшой глоток, и задумался. Спустя некоторое время он позвал своего слугу и прошептал ему несколько слов.

Дождавшись, когда слуга выйдет, он допил вино из кубка. Отдернув штору, он вышел в приемный зал, пересек его по диагонали, открыл для многих во дворце неизвестную дверь, искусно замаскированную драпировкой, украшавшей зал, и последовал по ступенькам вниз. Спустя некоторое время он

был уже в саду. Никем не замеченный, он двинулся по аллее. Во дворце было мало стражи. Он не любил, когда на каждом шагу ему попадались вооруженные воины, которые, попав за усердную службу во дворец, становились каменными истуканами, и всюду следовали за ним глазами. Ему не нравились эти взгляды, ибо он, прекрасно разбираясь в повадках людей, боялся, что таким же умением обладают и другие. Ему казалось, что по его походке и осанке эти стражники смогут проникнуть в его мысли и, хотя это было не так, но в их присутствии он никогда не мог расслабиться. Поэтому проблему своей безопасности он решил по-другому. В его дворец, без его ведома, или без ведома начальника его стражи, и без сопровождения никто из посторонних попасть не мог. «Каменных» же истуканов он оставил лишь в тех местах, где без этого нельзя было обойтись, ибо этого требовали нормы, скорее не нормы, а представления о безопасности.

Итак, никем не замеченный, он шел по аллее. Пройдя некоторое расстояние, он свернул на боковую, более узкую аллею, которая привела его к небольшому дому, стоявшему на берегу искусственного озера. В этом доме жила его последняя возлюбленная. К этому домику он всегда стремился, когда выдавалась свободная минута или когда надо было собраться с мыслями перед важным делом. А сейчас время было, ибо тот, кого он вызвал, придет не ранее чем через два часа. А обстоятельства требовали расслабить напряжение, накопившееся к вечеру, чтобы с новыми мыслями по-

дойти к проблеме, которая, как он чувствовал, не была простой. И, кроме того, он в тайне надеялся получить совет от своей возлюбленной. Ее еще юный женский ум всегда находил простые решения даже в тех случаях, когда он и его советники ничего не могли решить.

– О, ты пришел, мой господин, – этими словами встретила его молодая женщина, почти девушка.

– Не называй меня так, ты же знаешь, что это мне не нравится, – по инерции раздраженно сказал он.

– Но как же мне называть тебя? Ведь ты и есть мой господин. Ты запер меня в этой уютной тюрьме. И не выпускаешь никуда без своего ведома. – Уже явно притворно, так, что если бы был посторонний наблюдатель, он бы понял, что все это лишь игра, ответила девушка. С этими словами Радзила, так звали девушку, пробежала несколько шагов, разделявших их, и бросилась на шею Измавилу.

– Почему тебя так долго не было? – шептала она, – все крепче прижимаясь к нему.

– Дела, – сказал он.

– Дела были всегда, но раньше ты приходил до заката, и взгляд у тебя какой-то встревоженный, – шептала она в его объятиях.

– О делах потом, – сказал он. И уже не в силах овладеть с нахлынувшей на него нежностью, стал осыпать ее поцелуями. Она вскрикнула, сладостно застонала и еще сильнее прижалась к нему. Время перестало существовать для них. Они

любили друг друга так нежно, как, казалось, никогда такого не было. Но это было всегда – с самой первой их близости. И это повторялось всегда и с каждым разом это было сильнее и сильнее. И хотя потом они понимали, что есть физический предел чувственных наслаждений, но они с каждым разом все глубже и тоньше проникали в эту прекрасную область человеческих отношений. И они уже знали, что на этом пути, если забыть о себе, нет предела. Да..., в эти моменты время переставало существовать для них... Пространство раскрывалось совсем незнакомой своей стороной, которая раньше их немного пугала, а по прошествии времени только забавляла.

Они не знали, сколько времени прошло, когда устав оба замерли. Она лежала на его груди, он смотрел в ее глаза с расширенными от страсти зрачками. Ничего не кончилось. Все продолжалось, но на более тонком, одном им известном уровне – просто уже не было сил двигаться. Они ласкали друг друга глазами, одним им понятными чувствами, словами, которые они уже могли произносить, темпом дыхания, ритмом сердцебиения.

Он рассказал ей все, что произошло за день, не утаив последнего разговора, она сказала что-то незначительное и посмотрела ему прямо в глаза. По ее взгляду он понял, что она хотела сказать. Он нежно погладил ее пахнущие полевыми цветами волосы, и она поняла его ответ. Они еще долго лежали в обнимку, говоря друг другу ничего не значащие сло-

ва, эти слова не имели смысла, но так приятно было их говорить, смотря при этом друг другу в глаза. Мир вокруг продолжал не существовать. Были только они, их простой разговор, пустые слова, и мысли, которыми они обменивались, используя взгляды, легкие ласки, и еще одно им известное нечто...

Из этого безмятежного времяпровождения их вывел звук колокола. Пробили седьмую стражу. Измавилу нужно было идти. Он неторопливо встал, нежно и игриво погладил свою возлюбленную по неприкрытой ягодице и, ничего не сказав, оделся и вышел. Слова были лишними, они и так все сказали и продолжали говорить друг другу на языке, одним им понятном...

Измавил не заметил, как пересек сад, поднялся по лестнице и только перед замаскированной со стороны приемного зала дверью он вспомнил о предстоящей встрече. Когда он открыл эту дверь и плотно закрыл ее за собой, от стены зала, освещенного масляными светильниками, заботливо зажженными слугами, отделилась высокая тощая тень. Перед Блистательным Измавилем, откинув свой капюшон, предстал его самый верный помощник – начальник тайной стражи. Подлинное имя этого человека знал лишь Измавил да еще его несколько наиболее приближенных. Откинутый капюшон открыл взору царя длинное сухощавое лицо, с большим горбатым носом и блеклыми серыми глазами. Знающие

его люди поговаривали, что он иудейского происхождения, но никто этого доподлинно не знал.

– Ты знаешь, зачем я тебя позвал? – негромко спросил царь.

– Да мой господин, – также негромко ответил обладатель плаща с капюшоном, – ты хочешь все знать о том страннике, который смущает своим безумными речами народ.

– Так собери же мне о нем все, что можно знать и не знать – уж тверже сказал Царь.

Начальник тайной стражи уже хотел было идти, когда его остановил усталый голос Блистательного:

– погоди, не спеши... Пройди ко мне за штору.

Они оба прошли за штору в маленькую, уже известную нам комнату, где на столике предусмотрительно стояли два кубка. Царь сам, стараясь не пролить ни капли, налил в них из кувшина прохладного греческого вина, сделанного где-то на родине Искандера, того полководца, стремительное шествие которого на Восток, в течение последних двух лет не давало им обоим покоя. Он подал один кубок собеседнику, а другой поднес себе ко рту, и сделал маленький глоток, каким не пьют, а лишь пробуют хорошее вино. Его собеседник сделал такой же глоток.

– Хорошее вино – чуть помедлив, сказал он.

– Да вино хорошее, но царь страны, где произрастал виноград, из которого оно сделано, уже стоит у наших границ. Время беспокойное, и поэтому ты со всей серьезностью от-

несись к моему приказу, нет, просьбе... И выполни все именно так, как я сказал. Я должен знать о нем все, что может знать простой смертный, а также — он выговорил это слово более твердо, чем остальные, — все, что простой смертный знать не может. Как это ты сделаешь — меня мало интересует. Ты опытен в своем деле и не раз доказал свои способности. Но я жду от тебя большего, чем, все то, что ты делал для меня раньше. Даю тебе два дня.

С этими словами он одним большим глотком, будто это было не прекрасное дорогое вино, а простая вода, выпил содержимое кубка.

— Я тебя понял, мой господин, — ответил начальник тайной стражи и, не торопясь, почти смакуя, выпил вино, и, поклонившись, вышел. Его быстрые шаги уже были слышны в приемном зале, послышался, нет, не послышался, а лишь почувствовался звук открываемой потайной дверцы, и все смолкло.

Измавил, не раздеваясь, лег на свое ложе и уснул. Уходящий день его слишком утомил, и не было ни сил, ни желания идти к женам с их вечными просьбами, и упреками в невнимании, к детям, которых он хотя и любил, но которые в последние напряженные дни сильно утомляли его. К Радзиле идти он не хотел, боясь потревожить ее сон.

* * *

На исходе седьмой стражи, через два дня после описанных событий, перед Царем стоял начальник тайной стражи — его верный Давид, таким именем он его всегда называл, хотя было и другое, подлинное.

— Ты все разузнал? — спросил он.

— Все, — ответил собеседник.

— Все возможное и не возможное? — более настойчиво спросил Измавил.

— Тебе судить, мой Господин, — ответил Давид и стал рассказывать все, о чем разузнали и пронюхали его подчиненные.

Про всеведение тайной стражи ходили легенды. Его шпионы были не только в каждом городе, на каждой улице, в каждом доме мало-мальски значимого вельможи. Кроме этого тайные курьеры приносили известия почти со всех стран, интересы которых пересекались или могли пересечься с интересами Восточного царства. Поэтому начальник тайной стражи эти два дня занимался только анализом и сопоставлением тех разрозненных фактов, которые стекались к нему от его многочисленных подчиненных. Помимо этого, ему удалось, как бы случайно, встретиться с Заратустрой и поговорить с ним. Из всего им изученного и разговора с Заратустрой, который он имел не ранее как вчера, складывалась следующая картина:

Будда или Заратустра, как он сам себя называл, действительно пришел с Востока и, как доподлинно установлено,

действительно из Индии. Но он не являлся уроженцем этой страны. Родиной же его является Иудейское царство, а именно окрестности города Назарет, захваченного в настоящее время Искандером. Как и почему он попал в Индию, не установлено из-за большой давности этого события, но доподлинно известно, чем этот Заратустра занимался в Индии.

Давид вкратце рассказал о своей встрече и разговоре с Заратустрой, а также сообщил, что ему удалось узнать о его жизни в Индии. Он поведал и о том, как этот человек невольно стал основоположником новой религии или учения, которое его последователи называли Буддизмом. Выслушав все это, Измавил сказал:

– Все это очень интересно, но, как мне кажется, мало относится к делу. Ты мне скажи, чем мог этот человек, который, судя по всему, является либо святым, либо не от мира сего, что, наверное, одно и то же, мог так напугать наших вельмож, что они по такому простому – тут он специально постарался принизить значимость вопроса, чтобы подхлестнуть своего подчиненного к большей достоверности, – вопросу обратились ко мне? Я еще понимаю беспокойство верховного жреца, ибо он всегда по поводу и без повода, боясь показаться ненужным в моих глазах, ищет врагов своей веры, в исключительность которой он и сам по-настоящему не верит.

– Скажи мне, – продолжал Измавил, пытливо вглядываясь в глаза своего собеседника и стараясь прочесть в них то, что

тот не сможет выразить словами, — Ты видишь в его речах опасность для меня и для нашего царства?

— Да, вижу, мой господин, — был ответ Давида, и хотя ни один мускул не дрогнул на его аскетичном лице, в его тоне все же почувствовалась неуверенность или, вернее сказать, скрытое сожаление о сказанном. В глазах же его Измавил уловил тревогу, нет, не тревогу, а лишь нерешительность. А нерешительность никогда не была свойственна начальнику тайной стражи.

— Скажи мне, что же этот человек делал в моем царстве в течение тех трех недель, которые он провел здесь? Какие речи он говорил? Чем он мог встревожить моих вельмож?

— Прежде всего скажу, что этот человек является человеком исключительного ума и способностей, — твердо сказал Давид, — даже мне порой в разговоре с ним приходилось испытывать неловкость, а ты меня знаешь. Идеи, которые он высказывает, сами по себе не являются опасными для государства. — Тут он смолк, мучительно подбирая слова.

— Используя его идеи можно было бы даже основать новую религию, более красивую и приемлемую, чем та, которая есть в нашем государстве. — Тут он опять замолчал, как бы раздумывая, как более точно все сказать, чтобы быть понятым.

— Если бы не это тревожное время, Заратустру можно было оставить в покое и даже помогать ему. Но вся опасность заключается в том, что его идеи настолько полны, что в гла-

зах черни допускают неправильное толкование. В частности, он говорит, что человек должен быть разрушен, но это относится лишь к внутреннему душевному процессу, – при этих словах Давид с тоской посмотрел на потолок, – а некоторые это понимают прямо. Тоже самое и про государство. Он говорит весьма интересные вещи, и тебе не мешало бы поговорить с ним самому. – облегченно вздохнув, закончил он.

Выслушав все сказанное Измавил сильно обеспокоился. Давиду всегда была присуща ясность и недвусмысленность в речах. Сегодня же его верного слугу как будто подменили. До этого Давид никогда не сомневался в своих словах, все факты и свои умозаключения, которые он сообщал ему, всегда были прямыми и ясными. Они никогда не допускали двужначного толкования. Сегодня же в его словах впервые за много лет их совместной работы, появилась нерешительность и неуверенность. Ему показалось, что Давид хочет переложить весь груз ответственности за принятие решения на его плечи, раньше он этого никогда не делал, он всегда сам принимал решения, касающиеся безопасности государства, а он же, Измавил, только их одобрял, так как эти решения всегда были верны и взвешены. Сейчас же наблюдалось обратное. И еще более забеспокоившись, не в силах больше выслушивать его пространные рассуждения, Измавил спросил нетерпеливо:

– Скажи же Давид! Ты видишь в его речах опасность для нашего царства? – При этом он подумал про себя: «Стран-

но, я никогда еще таким его не видел. Уж не повлиял ли на него так сильно разговор с Заратустрой. Если это так, то он, Заратустра действительно опасен». Эта мысль привела его в смятение, и он пристально посмотрел в глаза Давида.

Давид же некоторое время нерешительно молчал. Он, казалось, не хотел говорить то, что он должен был сейчас сказать по долгу своей службы. В нем, чувствовалось, боролись два человека. Наконец, он собравшись твердо и жестко произнес:

– Учитывая сложившуюся обстановку, я считаю, что этот человек очень опасен. Его дьявольская мудрость столь сильна, что, будучи неправильно понятой, а чернь всегда понимает все только в угоду своих низменных материальных устремлений, может привести к непредсказуемым последствиям. В такое время у нас нет возможности отнестись к Заратустре так, как он того заслуживает. Сегодня мы должны к нему отнестись как к обычному шарлатану или бунтовщику.

Измавил никогда не видел своего начальника тайной стражи таким взволнованным и растерянным. Его волнение передалось и ему. «Да, – подумал он, – Ты в очередной раз оказалась права, моя маленькая Радзила». Тогда, два дня назад, во время их последнего свидания в ее глазах он прочитал предостережение, и еще что-то, чего тогда он не понял.

Измавил сделал шаг вперед к Давиду, но нерешительно отступил, взглянул на него и спросил,

– Так, осознавая всю опасность происходящего, ты при-

нял меры?

— Да мой господин, — ответил его мрачный собеседник. — Я приказал схватить Заратустру и запер его в темнице до твоего величайшего повеления. Я считаю, он должен предстать перед судом, и быть публично наказан, дабы впредь никому не было повадно смущать народ своими безумными речами. Особенно в такое время, — добавил он сухим бесстрастным голосом.

Помолчав некоторое время как-то нерешительно, борясь с самим собой, Давид произнес:

— Мой господин, я считаю, если есть возможность, необходимо тайно сохранить жизнь Заратустре либо в изоляции, либо в изгнании. А так, с точки зрения безопасности государства, я считаю его необходимо публично осудить и казнить. И еще я думаю, что тебе надо поговорить с этим человеком.

Измавил некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Его сбило с толку все, что сейчас наговорил ему Давид. Но он, зная своего верного помощника еще с тех времен, когда он еще не был царем этого государства, не винил его. Он понял, что ситуация является действительно непростой, если она привела в замешательство даже такого железного человека, каким был его верный слуга и помощник, с которым ему пришлось пройти такие испытания, и принять такие решения, которые несмотря на всю жестокость были всегда верными и прямыми как стрела.

– Когда будет суд? – отбросив все сомнения и неуверенность, спросил Измавил. Он, придя к власти, решил для видимости ограничить свою власть. Одним из таких видимых ограничений был новый порядок судопроизводства. Он, в отличие от своих предшественников, правосудие переложил на плечи своих вельмож, назначив одного из них председателем суда. Другие члены суда выбирались им лично из представителей разных сословий – духовенства, дворян и купцов. Простой люд не был представлен в суде, но против этого никто и не роптал. Простой люд всегда понимал свою ничтожность перед сильными мира сего. Хотя все и понимали, что по всем важным вопросам решение будет таким, каким его желает видеть он, Блистательный Измавил, такое судопроизводство позволяло в случае принятия непопулярных решений отвести народное недовольство в сторону членов суда. Измавил, пришедший к власти не без поддержки простого люда, понимал, что есть такие моменты, когда расположенность черни решает многое.

– Через три дня, мой господин, – теперь уже бесстрастно, как всегда, словно уже решившись на что-то, и перейдя какую-то невидимую внутри себя черту, отвечал его мрачный собеседник, – членам суда надо дать время ознакомиться с материалами дела.

– Я хочу говорить с этим безумцем завтра после рассвета. Приведи его ко мне к восьмой утренней страже, – сказал Измавил, также бесстрастно, как и его собеседник, и знаком

дал понять, что аудиенция закончена. Дождавшись пока Давид пересек приемный зал и скрылся за потайной дверью, он удалился к себе за штору.

* * *

На этом мой рассказчик прервался. Он хотел было в очередной раз наполнить наши рюмки, но бутылка была уже пуста. С того времени, как я вошел в ресторан, прошло уже несколько часов. Пока мы пили, он рассказывал, а я слушал, мы и не заметили, как официант нам принес жаркое в горшочках, это я еще помнил, потом было еще какое-то мясное блюдо. О том, что это блюдо было, свидетельствовала пустая тарелка с маленьким, оставшимся кусочком мяса. Полупустой зал постепенно начинал заполняться. Плавную инструментальную музыку в стиле оркестра Поля Мориа, сменила другая. Разухабистые зарубежные ритмы перемежались современной отечественной попсой. Люди, постепенно заполнявшие зал, в большинстве своем были командировочными. Эти люди, вырвавшись из семейных уз, старались вдоволь воспользоваться той свободой, какую они обрели на время. Одни из них, входя, оглядывали зал в поисках дам, которые могли бы развлечь их в этот вечер. Других же интересовала только возможность вкусно поесть и хорошо выпить. В общем, ресторанный зал наполнялся обычной для этого дня публикой. Эта публика никогда не была постоянной. Правда,

среди командировочных встречались и те, которым по долгу службы приходилось частенько останавливаться в этой гостинице. Такие вели себя более свободно, панибратски разговаривая с официантами и официантками.

Тут глаза моего собеседника, вставшего чтобы наполнить рюмки, и обнаружившего бутылку пустой, разгорелись. Было странным, как такие блекло-серые глаза могут гореть. Я почувствовал, что мой собеседник начал выискивать подругу себе на вечер. На меня, казалось, он уже не обращал никакого внимания. Затем он, забыв о своем желании налить водки, сел и сказал:

– У меня сто лет не было женщины. – Увидев мое недоуменное лицо, он продолжил, – Не удивляйся, это именно так. Я ж говорил тебе, что я не люблю двусмысленностей, и мои слова всегда надо воспринимать буквально. Когда я сказал, что у меня сто лет не было женщины, это означает именно то, что я сказал. Да..., прости... я же тебе еще не сказал, что я живу по два-три года в каждом столетии, остальное время я просто не существую. Почему это так, ты узнаешь из моего дальнейшего рассказа.

В моей голове роились вопросы. В частности, я хотел спросить его: причем тут Александр Македонский, если, как всем известно, он родился задолго до рождения Христа. Затем я хотел узнать: не является ли мой собеседник тем самым Давидом из своего рассказа. С другой стороны, мне было непонятно, почему он начал свой рассказ так издалека.

Так же меня очень заинтересовала его последняя фраза. За несколько часов общения с этим странным то ли Давидом, то ли Иудой, со мной произошло что-то необычное. Несмотря на то, что все, что говорил мой собеседник, находилось в полном противоречии с моими знаниями об исторических событиях, я верил каждому его слову. За словами Давида чувствовалась истина, и это истина звенела полноценным звоном настоящего золота. Я знал, что так убежденно может говорить либо сумасшедший, впавший в свою иллюзию, либо тот, кто действительно был участником или свидетелем событий, которые он описывал. Я хотел было начать свои расспросы, но Давид жестом остановил меня, и сказал:

– Вопросы потом. Я специально начал издали, чтобы ты мог проникнуться духом того времени и величием событий, происходивших тогда. Пока я ничего существенного тебе не рассказал, поэтому вопросы будешь задавать позже. Да, ты правильно догадался: я был тем самым Давидом, который присутствует в моем рассказе. Я говорю о нем в третьем лице, потому что после тех событий я так сильно изменился, что мне сейчас иногда даже кажется, что тем человеком был не я. О..., я рассказываю эту историю уже, наверное, в десятый раз. И все время неудачно. Либо собеседники попадались неподходящие, либо время было неподходящим. Те люди, которым пришлось выслушать мою историю либо сходили с ума, либо попадали на костер. Я в очередной раз надеюсь, что с тобой мне повезло, и мой рассказ не повредит

тебе...

Произнеся эти слова, мой собеседник встал и, сказав, что на сегодня серьезных разговоров хватит и пора развлекаться, поправив воротничок своей рубашки, направился к соседнему столику, за которым сидели две молодые женщины, одна из которых давно заглядывалась на него. В это время как раз на смену быстрым ритмам зазвучала заунывная жалостливая мелодия, сквозь которую стал прорываться тоскующий голос Алены Апиной. Она пела о несчастной любви. Несмотря на всю примитивность текста, эмоции, которые она излучала своим чувственным голосом, были так достоверны, что у меня, уже изрядно выпившего, даже слегка прослезились глаза. Я сразу же вспомнил вчерашний день, слезы своей любимой женщины на вокзале, и начал уходить в свои переживания...

Давид же тем временем, подойдя к столу, пригласил на танец именно ту женщину, которая больше всего заглядывалась на него. Приглашение он сделал весьма галантно: изящно поклонившись, он что-то прошептал своей избраннице на ухо, вполне возможно, какую-то непристойность, так, что та покраснела до ушей, но приглашение все же приняла. На маленькой площадке перед колонками, из которых неслась заунывная музыка, неуклюже топтались две полупьяные пары, они не столько танцевали, сколько прилюдно обнимались.

Когда же Давид со своей дамой вышли на эту маленькую площадку, все резко изменилось. Даже эти две полупьяные пары задвигались более гармонично, настолько гармонично,

насколько им позволяла степень их опьянения. Давид же казался совершенно трезвым, словно в его желудке не плескалось поллитра водки, настолько его движения были точны и изящны. Было видно, что все пьянящее действие алкоголя ушло на раскрепощение его чувств, а не тела. Танцевал он очень красиво и чувственно, его тело, подчинясь чувствам, звучавшим в голосе певицы, так пленяло, что его партнерша сразу же прониклась и подчинилась ритмам его движений. Ее движения стали такими гармонично бесстыдными, что могли бы возбудить любого мужчину, наверное, даже и мертвого.

Я, со стороны наблюдая за их танцем, видел и знал, чем берет мой сотрапезник: он в совершенстве владел движениями тонких энергий между голубой и оранжевой чакрами. Такое владение всегда позволяет легко управлять женщинами, по крайней мере, на уровне телесных движений. Давид и ее партнерша начали танец на расстоянии друг от друга, но по мере танца, они все больше и больше приближались друг к другу, казалось, что их тела притягиваются друг к другу как магнитом, а они только слегка сопротивляются этому притяжению. По мере танца чувственное возбуждение росло и росло, так что сил для сопротивления уже не оставалось, и танец они закончили уже обнимаясь, как два хорошо знакомых любовника. С последними аккордами музыки Давид нежно поцеловал свою партнершу в щеку и направился с ней к столику. Создавалось такое ощущение, что эти два че-

ловека давно знают друг друга, и пришли в ресторан вместе. Давид подсел за столик, за которым до танца с подругой сидела ее партнерша, и начал непринужденно болтать о чем-то. Две женщины, слушая его, оживились и весело смеялись его шуткам, которые, судя по тому, что доносилось до моих ушей, были весьма фривольными.

Оставшись один, я заскучал и, подозвав официанта, заказал еще двести грамм водки, которую принесли в запотевшем графинчике, формой напоминавшем медицинскую колбу. Я налил себе водки и выпил, закусив остатками салата. Тут около меня раздался голос:

– Пьете один, а даме не нальете?

Подняв свою голову, я увидел, что напротив меня сидит женщина, та самая женщина, подруга которой танцевала с Давидом. Я оглянулся на их столик. Столик был пуст. Поймав мой взгляд, женщина, подсевшая ко мне за столик, сказала:

– Они поднялись к нему в номер. Да..., перед уходом он сказал, что твои координаты он знает, и обязательно на днях тебя найдет. А мне, чтобы ты не скучал, он предложил перекусить к тебе за столик.

Я молча налил даме и себе водки и сказал:

– Так что ж, тогда не будем скучать и выпьем за знакомство. Меня зовут Алексей.

– Ольга, – глядя мне в глаза, сказала женщина. В том, что она сказал Ольга, а не Оля, чувствовалась какая-то серьез-

ность, которая, находясь в противоречии с ее хрупкой, почти девчоночьей внешностью, очаровательно пленяла. Но, несмотря на описанную внешность, ей было где-то чуть больше тридцати. У нее было красивое лицо с раскосыми глазами. Ее черные волосы были собраны в пучок и подвязаны розовой лентой. Мелкие морщинки около губ говорили о не очень сладкой жизни.

Мы выпили не чокаясь. И начали неторопливый разговор, какой обычно ведут две особы противоположного пола, встретившись при таких недвусмысленных обстоятельствах. Из ее рассказа я узнал, что она замужем, но счастья нет, так как муж не столько любит ее, сколько ревнует. Его ревность довела ее до того, что она уже перестала любить его... Вчера он уехал в деревню к своим родственникам по каким-то сельским делам, и она, приняв приглашение своей подруги, которую зовут Татьяна, решила немного развеяться. Алкоголь уже успел настолько подействовать на нее, что она была довольно откровенной, она сказала, что я ей сразу же понравился, как только вошел в ресторан:

– Как только ты вошел, я сразу же поняла, что ты такой же несчастный, как и я. У тебя это написано на лице. – Сказав эти слова, она с такой жалостью посмотрела мне в глаза, что я не выдержал и, протянув свою руку через стол, нежно погладил ее за щеку. Она, невольно поддавшись моей ласке, слегка прижалась своим лицом к моим рукам, затем она слегка повернула свою голову, и на внутренней части моей ладони

я почувствовал ее губы. Охватившее меня желание было так сильно, что я не в силах сдерживать нахлынувшую на меня нежность, переставил свой стул к ее стулу, сел рядом с ней и нежно слегка обнял ее за плечи. Она, снова поддавшись моей ласке, положила свою голову мне на плечо и сказала, – А ты очень нежный, тебя, наверное, любят женщины.

– Не знаю, – сказал я в ответ, – может быть, но только самые любимые почему-то меня всегда оставляют, хотя я и знаю, что при этом они продолжают любить меня.

– Так всегда почему-то происходит. – Ответила женщина и еще сильнее прижалась ко мне.

Между тем время подходило к закрытию ресторана, зал потихоньку стал пустеть. Посетители уходили или парами или поодиночке. Те, кто уходили поодиночке, чаще всего еле стояли на ногах. Мы с Ольгой, ни слова не говоря, встали, понимая друг друга без слов, пошли к гардеробу. Я помог надеть ей ее нутриевую шубку, оделся сам. На улице слегка подморозило, и холодный морозный воздух приятно освежал наши разгоряченные лица. На стоянке перед крыльцом стояло несколько машин. Я подошел к той, которая, судя по тому, как на нас смотрел водитель, была первой в очереди за пассажирами. Ни слова не говоря, я открыл заднюю дверцу, усадил Ольгу и сам сел рядом с ней. Сказав водителю, куда надо ехать, я обнял свою даму за плечи. Машина ехала по такому же ночному городу, как и вчера. Но сейчас не было снегопада, и улицы, освещенные фонарями и их светом, от-

раженным от снега, не казались уже такими мрачными, как это было вчерашним вечером.

Приехали мы довольно быстро. Я расплатился с таксистом, и мы поднялись ко мне на третий этаж. Открыв дверь, я пропустил свою попутчицу вперед, не стал зажигать свет, и запер дверь на задвижку. Свет уличного фонаря, попадавший сквозь незашторенное окно, был достаточен, что разглядеть блеск глаз моей на сегодняшнюю ночь женщины. Ее глаза звали и притягивали. Они требовали нежности ласки и внимания, мужского понимания. Я, не сказав ни слова, снял свою верхнюю одежду. Затем, также молча, снял с нее ее шубку, бросив ее на ближайший стул. Нежно, играя ее волосами, снял с ее головы меховой берет. Мои руки, пробежавшись по ее волосам, спустились к шее, ниже, и нежно лаская, добрались до верхней пуговицы на ее кофточке. Я медленно расстегнул пуговицы ее кофточки все до одной. При этом наши губы встретились, она поцеловала меня таким страстным плотским поцелуем, что я чуть не задохнулся. Затем, слегка отстранив меня, она скинула с себя свою кофточку прямо на пол, расстегнула застежку бюстгальтера, которая была спереди, так, что черные чашечки откинулись, открыв небольшие прекрасной формы груди, и прижалась ими ко мне. Ее руки, пробежавшись по моей спине, вытащили рубашку, направленную в брюки. Так же, стараясь как можно ближе прижиматься ко мне, она стала через голову стягивать ее с меня.

Мои же руки были заняты тем, что я освобождал от одеж-

ды нижнюю часть ее тела: я расстегнул молнию, и длинная юбка, шелестя по черным колготкам, сползла с ее бедер. Мои руки, обняв ее сзади, начали ласкать ее ягодичы, проникая все ниже и ниже под трусики, затем я, подхватив ее на руки, уложил на нерасправленную постель и одним движением снял с нее эти колготки с трусиками и стал нежно, чуть касаясь, целовать ее губы. Она же, все сильнее и сильнее возбуждаясь, справилась, наконец, с моими брюками и, сняв с меня трусы, обхватила меня за бедра своими ногами. Руками, найдя мой член, она заправила его в себя и сладостно застонала под моими движениями. Я же, молча двигаясь, продолжал все так же нежно, чуть касаясь, целовать ее губы, сквозь которые прорывалось ее страстное дыхание, глаза, смотревшие на меня так умоляюще и жалостливо.

Мы долго любили друг друга. Когда, наконец, мы, насытившись, перестали двигаться, она сказала:

– А ты очень нежный, такой нежный... Почему же тебя бросают? – Затем, помолчав, она добавила, – Я знаю почему – тебя очень много, так много... Я с тобой тоже, наверное, буду очень редко встречаться... Нет, не из-за мужа. Женщина, если захочет, всегда сможет изменять так, что муж никогда не догадается.

Сказав эти малопонятные для меня слова, она заснула, положив свою голову мне на плечо. Через некоторое время я тоже заснул. Усталость сделала со мной то, что этой ночью я очень крепко спал. Но сквозь сон я все же чувствовал при-

сутствие моей любовницы. Я проснулся оттого, что перестал ее ощущать. Когда я открыл глаза, в комнате было светло, яркое солнце, пробираясь сквозь покрытые инеем ветви деревьев, освещало мою комнату. На часах было двенадцать. Ольги уже не было, только тонкий аромат ее духов говорил, что она была здесь. Я встал и начал заправлять постель. Во время этой процедуры я на простыне нашел черный длинный волос. Я подумал: «Запах духов скоро рассеется. Хоть этот волос будет напоминать мне о тебе», и бережно прикрепил этот волос к зеркалу. На зеркале я обнаружил записку: «Не ищи меня. Если будет нужно, я сама тебя найду. Оля» То, что она подписалась не Ольга, а Оля, меня сильно тронуло.

Прогноз погоды, прозвучавший по радио, которое я включил после того, как умылся, обещал к вечеру похолодание. И хотя в этот воскресный день мне никуда не надо было ехать, я все же решил, что нужно будет где-нибудь ближе к вечеру взять машину, чтобы она не застоялась на морозе, и сделать кружок по городу. До вечера было еще далеко, и я, спокойно позавтракав, не раздеваясь, лег в постель, чтобы подремать. Похмелья не было, что говорило о том, что наконец-то в наших ресторанах стали подавать качественную водку. Я быстро впал в полудремотное состояние. Запах, оставшийся от Ольги, приятно возбуждал. К тонкому запаху ее духов примешался едва уловимый запах женских волос. Эти запахи будили воспоминания о произошедшем ночью, и я почув-

ствовал сильное чувственное возбуждение. Это возбуждение сменилось ощущением пустоты в области лба, и я, неожиданно для себя, увидел лицо Давида. Давид, сделав удивленные глаза, сказал, или, скорее всего, подумал, так что я это прочитал. Мысли его звучали в моей голове как голос. Он сказал:

– Ба..., да ты сударь делаешь успехи. Поздравляю тебя с первым самостоятельным выходом в надчувственный план. Все же я был прав, когда выбрал тебя в качестве слушателя моей истории. Ты, как я вижу, небезнадежен, наоборот – ты делаешь успехи. Мне надо будет лучше присмотреться к руководителю вашей группы. Он, судя по всему, серьезный человек, если можно так называть, человека, стремящегося избавиться от человечности. Ну что ж, если тебе удалось подняться так высоко, так слушай, смотри и чувствуй дальнейшее продолжение моей истории, хотя она в большей степени не моя, но не будем придирааться к словам или к мыслям.

Сказав эти слова, Давид исчез, и перед моим внутренним взором появилась картина, мало сказать картина, а действие, самым поразительным было то, что я свободно мог читать эмоции, чувства и мысли, действующих лиц. Вот что я увидел, почувствовал, прочитал:

Заратустра сидел в темной комнате, которую с трудом можно было назвать тюремной камерой. Но маленькое за-

решеченное оконце, расположенное почти под потолком, и прочная, и окованная железом дверь говорили, что комната, в которой он находится, все же является тюремной камерой. Сквозь окно падали лучи солнца, которое, судя по теням, какие ложились на пол от небольшого столика и кувшина с водой, стоявшего на столике, прошло половину своего дневного пути и начало неумолимо склоняться к закату. К закату, за которым последует ночь, очень темная в этих местах. Его арестовали совсем недавно. Не прошло и нескольких часов как он, совсем недавно беседовавший со своими молодыми друзьями, был схвачен. Схвачен и доставлен с завязанными глазами в эту уютную комнату с прочной, окованной железом дверью. Судя по всему, его молодые друзья не были схвачены, а разбежались по узким улицам этого города, где он провел уже три недели. Он не понимал, почему его заперли, но догадывался, что причиной могла послужить та встреча, произошедшая два дня назад, когда он в сопровождение своих новых друзей, которых он быстро приобрел в этом городе, возвращался с прогулки. Тогда на перекрестке двух небольших улочек, по одной из которых они усталые возвращались с прогулки, он столкнулся с незнакомцем. Незнакомец отскочил в сторону и громко произнес:

– О шайтан! –и, обращаясь к Заратустре, сказал виноватым голосом – Уважаемый! Прости меня, неуклюжего, – хотя по тому как он ловко и вежливо поклонился, его никак нельзя было назвать неуклюжим.

На что Заратустра, ответил:

– Не стоит извинений, – я сам виноват, что не заметил на своем пути такого неуклюжего, и не освободил дорогу. И теперь, благодаря своей неосторожности, вынужден буду чинить свой кафтан, – с этими словами он начал заправлять образовавшуюся в кафтане дыру за его складки.

Прохожего ничуть не оскорбил дерзкий тон, с каким Заратустра ответил ему. Он стоял и улыбался, казалось, что виновато. Но что-то в его поведении, может быть, в манере произносить слова, говорило о том, что он несколько не сожалеет о столкновении, а даже рад.

Заратустра внимательно посмотрел на него. Одет этот «неуклюжий» господин был в серый плащ, капюшон не был накинута на голову, хотя весь его облик был таков, что накинута капюшон более соответствовал бы ему. Несмотря на виноватую улыбку, его глаза свидетельствовали об обратном. Эти глаза пристально изучали собеседника. Взгляд этих глаз был жестким и проникающим. Сквозь такой взгляд редко проскальзывает какая-либо эмоция. Обычно люди за таким взглядом прячут свои мысли. Посмотрев более внимательно на собеседника, Заратустра понял, что такому человеку есть что прятать. Ему стало интересно. Ему всегда было интересно общаться с людьми неизвестными, так как он искал в человеке все то, что делает его менее человеческим. Он начал думать, как бы с ним поближе познакомиться и поговорить.

Обладатель серого плаща, будто бы прочитав это его желание, уже весело улыбаясь, произнес:

– Еще раз прошу простить меня, я порвал твой костюм. Я не швея, и не смогу починить его. Но в качестве компенсации прошу разрешить угостить тебя обедом. Тут недалеко есть небольшая харчевня. Кормят там неизысканно, но терпимо, и там подают неплохое вино.

– Не стану отказываться, – непринужденно сказал Заратустра, – тем более, что я голоден. Хотя еда и вино не заменят мне порванного кафтана, но, наверное, помогут мне преодолеть ту досаду, которую я испытываю по этому случаю, – и последовал за незнакомцем. Его спутники без слов поняли, что их товарищ хочет на сегодня покинуть их, и пошли дальше в город. А Заратустра с незнакомцем, пройдя несколько домов, которые в этом районе города не отличались ни красотой, ни чистотой, и, повернув в маленький переулочек, оказались перед небольшой разукрашенной дверью. Над этой дверью висела табличка, призывающая всех прохожих отобедать у веселого Сулеймана. У входа сидели нищие. Обладатель плаща небрежно бросил одному из них монетку. Затем он пригласил своего спутника пройти внутрь, для этого им пришлось спуститься по нескольким ступенькам, так как каменный дом, который использовался под харчевню, уж слишком долго стоял на этом месте и успел осесть. Несмотря на внешнюю ветхость здания, внутри было чисто и опрятно. Только скатертей не было на небольших столах, которыми

было уставлено полутемное помещение. Свет, проникающий через небольшие окна, расположенные ближе к потолку, все же был достаточен.

В зале несколько столов были заняты обычными для этого времени посетителями, которые кто пил вино, а кто обедал. В общем, это было обычное для этого района место, куда многие спешили большей частью не для того, чтобы поесть и выпить, а для того, чтобы встретиться с друзьями и поболтать. На них никто не обратил внимания, – все были поглощены своими делами. Из того, как обладатель серого плаща уверенно прошел по залу, и занял самый удобный столик, по странному стечению обстоятельств никем незанятый, и по тому, как он непринужденно подозвал слугу и что-то приказал ему, было ясно, что здесь он не являлся редким гостем. Садясь за столик, он сказал:

– Извини меня, мой невольный сотрапезник. Я не назвал своего имени. Меня зовут Давид. Не будешь ли ты так любезен, назвать свое имя? – с этими словами он взял кувшин, принесенный слугой, и стал разливать вино в два стакана, уже стоящие на столе.

– Меня зовут Заратустра, – чуть устало, но легко и просто сказал его собеседник. Он на некоторое время прервался, словно ожидая услышать реакцию своего собеседника, не дождавшись ее, он продолжил уже усталым голосом. В этом голосе Давид слышал какую-то непонятную ему тоску – Тебе, наверное, уже успели обо мне многое рассказать. Меня

люди, называющие себя моими учениками, неправильно понимают. Все по-разному, кому как по душе. Я не удивлюсь, если услышу, что некоторые меня боготворят, а некоторые пугают мной детей. – Продолжая говорить так, Заратустра поднес стакан к губам, и жадно, мелкими глотками, на половину опорожнил его.

– О! Так ты и есть тот самый Заратустра, о котором так много толкуют люди. – Голосом, в котором не чувствовалось и тени притворства, ответил ему его собеседник, – Это для меня большая честь разделить обед с таким известным человеком. О тебе порой говорят чаще, чем об Искандере, который, как ты, наверное, знаешь, угрожает нашему царству, – сказал Давид, пристально глядя в глаза собеседнику и стараясь увидеть его реакцию на слова об Искандере. Но не увидев того, чего хотел, он поднес свой стакан ко рту и медленными глотками стал пить вино.

– Да..., о тебе говорят много, – после небольшой паузы проговорил он, – скажи тогда, кто же ты. Почему твое появление принесло так много переполоха, что даже верховный жрец, как я слышал, забеспокоился?

– Я не знаю, чем я смутил жизнь вашего города. Может быть, тем, что я всегда говорю то, о чем думаю, не подбирая при этом слов, как это любят делать те, кто называет себя мудрецами. Все их красноречие лишь маска – попытка скрыть от окружающих свою пустоту. Истина не требует красивых слов ибо она сама по себе всегда неожиданна и краси-

ва. Вот ты посмотри на себя. Ты носишь такую одежду, которая должна была бы скрыть твои истинные дела, но именно такая одежда и открывает их для пытливого взора. Твоя одежда помогает тебе лишь в том, что люди, боясь тебя, не слишком к тебе присматриваются. Эта одежда скрывает тебя лишь от трусов, но не от настоящего человека.

Так говорил Заратустра, когда слуги принесли жареное мясо. Увидев мясо, он прервался и принялся есть. Ел он быстро, но не спеша. Казалось, каждый кусок, перед тем как отправиться в желудок, давал ему все те ощущения, какие был способен дать. Поедая мясо, он запивал его большими глотками вина. Его собеседник, глядя на него, тоже заразился его аппетитом и стал есть почти также смачно, как и Заратустра. Через некоторое время оба насытились и ели теперь уже, выбирая куски мяса повкуснее и поменьше. Наконец, оба они перестали есть и одновременно посмотрели друг на друга. Один смотрел испытывающе и бесстрастно, другой открыто и прямо, как человек, которому нечего скрывать.

Оба знали, что сейчас должен состояться очень важный разговор. Но никто не решался начать первым, чтобы не открыться раньше времени. Оба они ждали одного им известного момента. Все свидетельствовало о том, что эти люди привыкли говорить так, чтобы каждое слово имело смысл и именно тот смысл, какой они в него вложили.

– Спасибо за прекрасный обед, которым ты меня угостил, – первым начал Заратустра, – этот обед стоит той

небольшой дырки в кафтане, которую я получил по своей неосторожности. Но мне кажется, что столкновение не было случайным. Такой ловкий человек, как ты, не мог не заметить меня. Да и сам я не столкнулся бы с тобой, если бы ты намеренно не ускорил шаг. Я вижу, ты хочешь о чем-то говорить со мной. Так говори же, я весь во внимании и готов ответить на твои вопросы, если знаю на них ответ.

– А ты, несмотря на свою простоту, весьма проницателен, – сказал Давид загадочно, – так уж, если выпала судьба – это слово он нарочито небрежно подчеркнул, – нам столкнуться и пообедать вместе, то я хотел бы из первых уст услышать то, что слышал из пересказов разных людей. И надо сказать, о тебе у меня сложилась весьма противоречивая картина. То ты смутьян и бунтовщик. То ты чуть ли не святой. Скажи мне, что самое главное в том, что ты говоришь своим ученикам, в чем соль твоего учения?

– А учения вовсе и нет, как нет и учеников. Люди сами называют себя моими учениками, хотя они не поняли и малой доли того, что я говорю. – сказал Заратустра, рассеянно крутя в своей руке стакан, наполовину наполненный вином.

– Мне кажется, что я все время говорю в пустоту. – Продолжал он – Я говорю то, что считаю истиной. Но все ее понимают по-разному, и по-разному толкуют. Те, кому нравится свое толкование, – начинают себя называть моими учениками. А я же просто смотрю на них и учусь различать людей, и понимать их. Мои наблюдения показывают, что человек в

таком виде, какой он сейчас есть, недалеко ушел от меньших братьев наших, а в чем-то и проиграл им. Ведь он живет теми же инстинктами, что и они, а не разумом. А разум же свой он использует лишь для того, чтобы оправдывать свои поступки, продиктованные инстинктами. Он оправдывает их то необходимостью, то божьим промыслом. Животные в этом смысле более честны, им нет необходимости оправдывать свою жестокость, им повезло, они просто не умеют делать этого. Тигр бывает жесток с антилопой только потому, что он голоден. И когда он рвет ее на части, перед тем как съесть, он это делает только потому, так ему будет более удобно есть. Человек же всегда пытается оправдать свою жестокость, используя абстрактные умозаключения, при этом он сам в глубине души понимает всю их лживость. Это его сильно развращает. Опасно не столько преступление, сколько его оправдание через абстрактные понятия. – На этих словах Заратустра замолчал. Затем он поднес стакан с вином ко рту, сделал большой глоток и продолжил:

– И поэтому я говорю, что человек должен быть разрушен. Потому как такой человек, какой он сейчас есть, не способен понять истину, он всегда ее приспособливает под свои нужды, которые мало отличаются от нужд животных. А настоящая истина всегда имеет мало общего с человеческими потребностями. При этом такой человек боится остаться перед своей сущностью, в которой все еще очень много животного, один на один. Да, такой человек должен быть разрушен,

чтобы открыть дорогу истинному человеку – сверхчеловеку, который способен понимать и принимать истину без слов, и который не будет страшиться своего животного начала, ибо будет способен подчинить его силе своего разума. Такой человек будет свободен от обстоятельств и от общества, в котором он живет. – На этих словах Заратустра внимательно посмотрел в глаза собеседнику, но тот быстро отвел их, словно боясь обнаружить в себе что-то, о чем он сам только начал догадывался.

– Такой человек – сверхчеловек, есть в каждом из нас, – продолжал Заратустра, – но мы в страхе перед истинным миром, перед истинным самим собой всегда его старательно прячем. Как прячет свою наготу под одеждами красивая девушка, хотя тело ее прекрасно и может вызвать только восхищение. Вот в чем вкратце суть всего, что я говорю. Но я говорю это уже не в надежде найти понимающую душу, а в надежде изучить этого человека, который не есть сверхчеловек. Это мне нужно, ибо я тоже не сверхчеловек. А, изучив человека, мне кажется, я смогу найти путь к истинной свободе, выражение которой и есть сверхчеловек. Ты же понимаешь, когда я говорю, что человек должен быть разрушен, я вовсе не призываю кого-либо убивать. Я говорю, что человек должен быть разрушен самим человеком внутри себя, чтобы открыть свою истинную сущность.

– Я, насколько мне удастся, – произнес задумчиво и нерешительно Давид, – начинаю тебя немного понимать. Но мне

сказали, что ты говоришь, что и государство должно быть разрушено. Многие, услышав твои речи, начинают поговаривать и о том, что, если государство должно быть разрушено, то и сам царь Измавил должен быть отстранен от власти. Этим воспользовались его враги, которые, я слышал, замыслили заговор, подбивая чернь к беспорядкам, но они, я также это слышал, были схвачены и тайно казнены. Объясни же, почему ты говоришь, что государство должно быть разрушено.

– О мудрый мой собеседник, – отвечал ему Заратустра, – ты, как и все остальные или не понял меня, или до твоих ушей дошло искаженным то, что я говорил. Когда я говорю, что государство должно быть разрушено, я лишь имею в виду, что должно быть разрушено внутри человека представление об общественном устройстве. Разрушить государство сейчас – это все равно, что уподобиться тем диким племенам, которые обитают на Севере нашей страны. Там мы с тобой не имели бы возможности вести такие беседы, ибо вынуждены были бы или охотиться за пищей, или защищать ее от своих же соплеменников. Ты знаешь, в этих диких племенах нет государственного устройства, и все решает сила мускулов, а не ума. – Тут он снова прервался и оглядел зал, в котором они сидели. Зал потихоньку начал наполняться. За одним из столиков, словно подтверждение его слов, началась перебранка, грозящая перейти в драку, но слуги заведения, быстро оценив обстановку, молча вытолкали спорящих

за дверь, предоставив им возможность решить свой спор за стенами харчевни.

– Ты сам видишь, если все правильно понимать, я не мог призывать разрушить государство. Я лишь говорил о том, что каждый человек, который стремится к истинной своей сущности, должен разрушить государство в самом себе, ибо дорога к себе без этого немыслима. Толпа же слышит лишь громкие слова, но не хочет и, наверное, не может идти в глубь их смысла. Глубина и истинный смысл всегда сложны и непонятны. А громкие слова за счет своей кажущейся простоты не требуют объяснений, громкие слова всегда не знание, а лишь призыв к действию, порой безумному. – Так говорил Заратустра своему собеседнику в сером плаще, сидя после сытного обеда в маленькой харчевне, которая называлась «У веселого Сулеймана».

Давид с интересом смотрел на него. Ему с большим опытом общения с людьми, знавшему, благодаря своим шпионам, которые были на каждом углу, в каждой спальне этого города, все, чем дышат подданные царства, с такими людьми, как его собеседник, встречаться не приходилось.

Видел он пророков, которые чаще всего оказывались либо безумцами, либо притворщиками, получающими от своих пророчеств материальную выгоду. Встречался он и с бунтарями, которые своими речами подбивали простой народ к бунту, чтобы на волне этого бунта вдоволь пограбить и набить свои карманы, а потом скрыться с награбленным за пре-

делами царства. Приходилось ему общаться, допрашивать знатных заговорщиков, которые, прикрываясь кто религиозными, кто генеалогическими причинами, стремились захватить власть. Все они, прикрывая свои истинные цели, говорили о всеобщем благе, стремясь при этом к своим личным, глубоко корыстным целям. Сейчас перед ним сидел человек, который говорил, что все его поступки продиктованы его сугубо личной целью, которая хоть и была непонятной, но была его личной. Этот человек, как понял Давид, хотел, изучая поведение и повадки людей, их манеры истолковывать различные высказывания, найти для себя путь к тому, что он называл свободой. Этот человек хотел открыть в себе сверхчеловека.

Не будь такое тревожное время, он не представлял бы никакой опасности, даже, наоборот, этот эгоист до мозга костей был бы полезен, если было бы время объяснить и истолковать для простого люда истинный смысл его речей. На основе его высказываний можно было даже создать новую религию, религию самосовершенствования, поиска Бога внутри себя. Новую религию взамен существующей, где имелось много капризных богов, которые постоянно ссорились между собой, и которые были так похожи на людей, что даже простой народ смеялся над ними, сочиняя про них всякие непристойности. Это очень злило верховного жреца. «Да..., не вовремя ты пришел Заратустра, – не сказал, а подумал Давид, – придется тебя завтра арестовать, а затем может быть

и казнить».

Давиду на миг показалось, что Заратустра, прочитав его мысли, на неуловимое мгновение нахмурился. Он налил себе вина, сделал несколько глотков и открыто, как-то беззаботно, посмотрел на Давида. Его взгляд был ясен. И догадка, даже если она и была, ничуть не нарушила покой и безмятежность, которые за время разговора так и не покидали его лицо. На какой-то момент их взгляды встретились, но Давид быстро отвел глаза. Ему на миг показалось, что его собеседник своим взглядом проник ему в самую душу, и узнал все его сокровенные желания и мечты, ему стало неловко, и необъяснимо страшно, и чтобы как-то справиться с собой, он спросил:

– Скажи, Заратустра, ты, говорят, пришел к нам из Индии, что ты там делал, и почему покинул такую красивую страну?

Заратустра на некоторое время задумался, казалось, он в это время осмысливал, что же на самом деле он делал в Индии, и сказал:

– Я там также изучал людей. Но по-другому. У меня с самого начала там не было возможности общаться с народом. В первое время там я жил при дворе одного из царей, где почитался за его сына. Но однажды мне пришло видение. Нет, это не такое видение, о которых толкуют разные проходимцы, называющие себя святыми. Это было истинное видение. Вдруг я увидел, нет, вернее будет сказать, понял, что все наше существование на земле лишь иллюзия, которая

также далека от истинной картины мира, как далека отсюда та страна, где я родился. И тогда в тот же день я покинул дворец и пошел скитаться. Царь, а звали его Готама, не стал задерживать меня, хотя и любил, как сына. Долго рассказывать, как и где я скитался, с кем общался, но результатом этого стало, что я стал понимать истину, и говорить ее. И там также, как и в этом городе, нашлось много людей, которые называли себя моими учениками, хотя они мало понимали из моих слов. Они усвоили только одну истину из всего, что я говорил, – они поняли, что наша картина мира лишь иллюзия по сравнению с истинной. Но они при этом не поняли, почему возникает эта иллюзия. Они наивно стали полагать, что истинная картина мира является божественной. Люди всегда стараются обожествить все непонятное. Они не поняли, что картина мира, которую мы воспринимаем, является лишь результатом преломления истинной картины в призме нашего несовершенного восприятия, отягощенного животными инстинктами, живущими в нас. – Сказав это, он посмотрел на Давида, но тот не стал испытывать больше судьбу и отвел взгляд.

– А я уже тогда начал догадываться, что не существует одной картины мира, а их очень много, столько, насколько сложен сам человек, уже не человек, а сверхчеловек. Я пытался объяснить это тем людям, которые называли себя моими учениками, но безуспешно. Мои объяснения настолько всех запутали, что они разделись на группы, которые из-за того,

что по-разному трактовали мои слова, начали даже враждовать между собой. – Тут он вздохнул, сделал еще один глоток вина, из стакана, заботливо наполненного слугой.

– Мне стало скучно, и я покинул ту страну, и вот я уже три недели как в этом городе, и вижу, что все начинает повторяться. Я не удивлюсь, если через некоторое время мои «последователи» начнут устраивать между собой дискуссии, переходящие в драки. Я думаю, скоро покину этот город, и пойду на запад, туда, к себе на родину. Может быть, на моем пути мне удастся найти дорогу к свободе, о которой я тебе говорил. Говорят, на Западе есть царь Искандер, который угрожает вашему государству, мне было бы интересно встретиться с ним и поговорить. Я всегда люблю разговаривать с необычными людьми, ибо они стоят на шаг на пути к сверхчеловеку. Тоже самое я могу сказать и про тебя.

Сказав эти слова, Заратустра встал, и попрощался. А Давид же остался сидеть, не зная, что делать: то ли ему бежать за ним и арестовать его, то ли остаться и допить это греческое вино, которое под видом простого, по его просьбе, Сулейман приказал принести своим слугам к ним на стол. Немного подумав, поняв, что время для ареста уже упущено, он знаком подозвал одного из посетителей, сидевшего за дальним столом. Тот, словно очнувшись и поразительно быстро протрезвев, подбежал к нему.

– Проследи за этим человеком, не упusti его из виду, если будет необходимость, защити. – Кратко и жестко сказал

Давид. Его шпион проворно вскочил и скрылся за дверью. Давид же, допив вино, встал и также быстро, как и его человек, покинул харчевню.

* * *

Пока Заратустра предавался воспоминаниям, солнце уже стало клониться к закату. Теней от предметов на столе уже не было. В комнате было сумеречно. Лучи солнца, проходившие сквозь небольшое окно, уже падали на противоположную стену, образовав изображение зарешеченного окна, которое имело красный оттенок. Заратустра вновь предался воспоминаниям. Он вспомнил, как покинул гостеприимный дворец Готамы, в котором он поселился в возрасте двенадцати лет, достигнув после опасного путешествия с караваном, идущим за пряностями, Индии. Готама, как оказалось, был лучшим другом отца, и он очень радушно принял мальчика. У него не было сына, и мальчик заменил ему его. Мальчик быстро выучил язык, на котором говорили в этой стране, и все время, свободное от игр с дочерьми своего покровителя, проводил за чтением книг и в беседах с Готамой, которого со временем стал почитать за отца.

Но его, как и в раннем детстве, проведенном далеко на западе, на своей родине, все продолжало преследовать ощущение несвободы человеческого бытия. Разговоры с Готамой и знания, почерпнутые из древних книг, бывших в библио-

теке его покровителя, только усиливали это ощущение. Его смутные догадки о нереальности земного бытия со временем все усиливались и усиливались. И вот, когда ему уже было восемнадцать лет, когда он уже стал заглядываться на красивых дочерей своего покровителя, ему приснился сон, который трудно было назвать сном. Всю ночь он с кем-то разговаривал, ему показалось, что его собеседником был отец, каким-то непонятным образом проникший в его сон. Тогда во сне ему было понятно все, о чем говорил собеседник, так похожий на его отца. Он отчетливо и ясно слышал его голос, все слова и сложные мысли были такими ясными и понятными, как понятной бывает речь учителя, когда ты знаешь урок. Он показал ему, каким на самом деле является мир. Все было красочно и пугающе красиво. Но когда он проснулся, он ничего не смог вспомнить. Осталось только волнующее ощущение красоты и свободы, до которой, как он это ясно видел в своем сне, было рукой подать, для этого нужно было только протянуть руку. Но когда он проснулся, он никак не мог вспомнить, как это сделать. То, что во сне было логичным и простым, наяву казалось абсолютно абсурдным и непонятным. И было странно, почему все это во сне легко понималось.

После этого сна на него напала тоска. Тоска по тому, что он видел во сне, по тому, что было так близко, но недоступно. Эта тоска была так сильна, что он не в силах терпеть ее более решил покинуть дворец. Он в тот же день пришел к Готаме

и сказал, что хочет уйти из дворца. Он был очень удивлен, когда Готама не стал возражать ему. А только сказал:

– Да мальчик, ты уже перерос этот дворец, и ты уже не мальчик, а мужчина. Если ты так решил, – то должен идти. Твой отец предупреждал меня, что рано или поздно это случится и просил лишь не чинить тебе препятствий. Я рад, что мне удалось многому тебя научить, остальное ты, по-видимому, должен будешь узнать и понять сам. Знай же, если тебе будет нужно, весь мой дворец и все мои люди в твоём распоряжении. – С этими словами он приказал своим слугам собрать все необходимое в дорогу.

Он в тот же день покинул дворец. Наиболее ярко ему запомнилась первая ночь, проведенная вне дворца. Вначале он долго шел по дороге, которая тянулась мимо обработанных полей и виноградников. На полях работали крестьяне, принадлежавшие к низшим кастам. День был ясным и солнечным. Тучи, начавшие собираться на западной части небосвода, и бывшие такими маленькими и ничтожными по сравнению с яркостью Солнца, тем не менее, свидетельствовали о том, что скоро будет гроза, которая в сезон дождей, всегда начиналась внезапно. Его это не пугало. Через некоторое время ему надоело идти по этой большой дороге, и он свернул на маленькую тропинку, которая вела в сторону леса. Тропинка, извилисто пролегающая мимо обработанных полей, быстро перешла в лесную тропу, и юноша углубился в лес. Он не боялся лесных зверей, которые в изобилие во-

дились в этих лесах, он еще в детстве научился их понимать и чувствовать, звери ему отвечали тем же, никогда не проявляя к нему агрессивность.

Неожиданно небо заволокло тучами, которые, набухнув, закрыли Солнце. Сверкнули молнии, раздались оглушительные раскаты грома, и небо стало изливать из себя воду, как прохудившаяся бочка. Но ему было весело. Ему было весело от того, что капли дождя, стекая по нему, уходили в землю, делая ее мягкой и скользкой. Трава, росшая по краям тропинки, также стала скользкой и нежно гладила его босые ноги. И вот, шагая в потоках воды по тропинке, ставшей скользкой, он набрел на хижину. Крышей хижине служили листья пальм, в обилии произраставших в этих местах. Дождь потоками стекал по этим листьям, и перед хижинкой образовалось небольшое озерцо, вода неохотно впитывалась в уже сырую в этот сезон землю. В хижине, наверное, от того, что она стояла на небольшом возвышении, было сухо. Войдя в нее, он облегченно разделся. Дорога и дождь слегка утомили его, и он прилег на кучу сухой травы, заботливо припасенной кем-то. Незаметно для себя он, зарылся в сено и заснул под мерный шум капель воды, стекавших по крыше и стенам его прибежища.

Через некоторое время неожиданно для себя он проснулся. Оглядевшись по сторонам, он понял, что его разбудило дыхание молодой женщины, лежавшей на куче сухой травы совсем недалеко от него. Молодая женщина была без одеж-

ды. Ее платье, заботливо подвешенное на ветке, торчавшей из стены, сушилось. Женщина спала и чувственно дышала. Ее красивое тело отсвечивало в полумраке хижины. Она, наверное, так же, как и он, спасаясь от дождя, пришла в хижину и, не заметив, а может быть, скорее всего, не захотев заметить, что она уже занята, сняла свое промокшее под ливнем платье и легла отдохнуть. Юношу охватило сильное сладостное волнение, какое он испытывал, иногда играя с дочерьми своего покровителя.

Он, не стыдясь, начал рассматривать обнаженную женщину. Ее груди были небольшими, но имели уже форму. Соски были более темными, чем вся ее смуглая кожа. На ее лице выделялись чувственные губы, очерчивающие ее большой и красивый рот. Взгляд его скользнул ниже к пупку, который был словно небольшой цветок. От пупка вниз тянулась темная полоска из негустых темных волос. Между ее ног чернел треугольник, образованный такими же не очень густыми волосами, под которыми просматривались нежные складки. Во сне женщина сменила позу, и ее ноги раздвинулись, открывая между складок розовую щель, которая была так заманчива, что юноша не мог оторвать от нее своего взгляда. Он, не в силах уже сопротивляться нахлынувшему на него желанию, осторожно начал гладить женщину сначала за шею. Но его руки невольно сами стали опускаться все ниже и ниже. Вот он уже гладил ее грудь, нежно сжимая ее соски, которые под его руками вдруг затвердели и покрылись пупырышками.

как от холода. Казалось, что женщина проснулась, но просто не подает вида, она начала тихонько постанывать, но глаза ее были все же закрыты. Ее чувственные губы приоткрылись, и она стала тяжело дышать. Его руки, осмелев, стали опускаться еще ниже. Они недолго задержались на ее нежном пупке и скользнули вниз. Он начал гладить ее бедра, все ближе и ближе приближаясь своими руками к заветной щели между ног, которые раздвигались по мере ласк все шире и шире. Он почувствовал приятную влажность на руках и стал гладить небольшой бугорок над щелью, который стал вдруг пульсировать. Тут женщина, не в силах больше сдерживать себя, закричала и притянула своими неожиданно сильными руками его голову к себе, и стала, неистово покусывая, целовать его губы, ноги ее при этом обхватили его за бедра и притянули его, с вздыбленной плотью, к себе в лоно. Она стала неистово двигать своими ягодицами, от этих движений его плоть вошла во влажную сладость и стала приятно скользить внутри ее. Юноша и сам включился в это движение, ощущая, как он все глубже и глубже проникает внутрь этой женщины с красивыми черными глазами. Женщина открыла глаза, жадно взглянула на юношу и в попытке увидеть, как внутрь ее входит плоть юноши, приподнялась. Потом бессильно и безвольно поддаваясь неистовым движениям этой плоти в своем лоне, откинула голову назад. Ее зрачки, расширившиеся от необузданной страсти, овладевшей ею, просили большего. Тогда юноша, не прекращая движений своей плотью между

широко раскинувшихся ног женщины, стал нежно, но в то же время сильно сжимать ее грудь, покусывая при этом ее шею. Его движения стали неукротимо глубокими, ему хотелось так глубоко проникнуть в женщину, как и невозможно. Так продолжалось довольно долго, при этом женщина периодически начинала кричать, жадно хватая при этом воздух широко раскрытыми губами, потом она на время стихала. Но юноша не успокаивался, продолжая сладостно терзать ее лонно своим фаллосом, который, казалось, стал каменным, потом женщина начинала снова в такт двигаться с ним, прося умоляющими глазами, не останавливаться. Это продолжалось так много раз, что оба они потеряли счет времени. Наконец, что-то в низу его живота напряглось, и он с криком начал еще более яростно двигать своими бедрами, погружаясь еще глубже и глубже в лонно женщины, которая в неистовом крике еще сильнее раздвинула свои ноги, и что-то горячее полилось из его плоти, прямо внутрь ее лона. Он сильно закричал и, осыпая горячими поцелуями ее лицо, губы, глаза, грудь, упал на нее, сильно обняв обмякшее, ставшее таким податливым и слабым тело.

Через некоторое время он смог открыть свои глаза. Его взгляд встретился со взглядом женщины, которая смотрела на него широко открытыми глазами. Она лежала на его груди, и ее руки ласкали его соски, ставшие твердыми. Она весело и задорно глянула на него, и ее руки стали скользить все ниже и ниже к фаллосу, который, не дождавшись прикосно-

вения, уже сам стал набухать и принимать твердость, какая была несколько минут назад. Женщина, добравшись до него, нежно его погладила своими маленькими мягкими пальцами. Она нежно поцеловала его в губы и стала целовать шею, грудь, живот и вот, наконец, ее нежные губы коснулись того места, к которому они оба так стремились. Лаская губами его плоть, женщина начала стонать от страсти, которая снова нахлынула на нее. И вот не в силах уже сдерживаться, она вскочила, и широко раздвинув свои ноги, охватила своим лоном его плоть и начала медленные движения. Голова юноши находилась на возвышении, и он видел, как его набухшая плоть входит все глубже и глубже в женщину. Он в порыве страсти нежно обнял ее за талию, а затем его левая рука, двигаясь по ее бедру, нашла тот заветный бугорок, прикосновение к которому так возбудило женщину в первый раз. И они снова любили друг друга, всей своей плотью. Он любил ее своим фаллосом, а она своим лоном, которое, казалось, было ненасытным. Она часто кричала, замирала после этого, но снова и снова начинала ласкать его, отдавая свое лоно его плоти, которая снова и снова жаждала движений внутри нее.

В какой-то момент они поменяли позу, женщина повернулась к нему задом, наклонилась и руками ввела его фаллос в себя, он обхватил ее бедра и вновь начал упоительно сладостные движения внутри ее горячей плоти. Казалось, он весь находился внутри женщины. Она же все также сладостно стонала голосом, который стал уже чуть хриплым. Нако-

нец, оба они устали и упали, обнимая друг друга. За порогом хижины была поздняя ночь. В этой местности даже в сезон дождей небо ночью всегда было ясное, оно сейчас было усыпано множеством звезд. Юноша взглянул на небо, яркая звезда, которая, как говорил его отец, вспыхнула в момент его рождения, горела также ярко, как и восемнадцать лет назад, и даже прибавила в своей яркости. Люди, жившие в это время, уже привыкли к ее присутствию. Они сейчас больше удивились бы тому, если вдруг эта звезда перестала светить, как это было совсем недавно.

Юноша нежно обнял женщину, положил ее голову себе на грудь, она обняла его своими, вдруг ставшими опять такими слабыми руками, прижалась к его груди губами и заснула. Во сне он всхлипывала или вскрикивала, видно переживая произошедшее. Юноша со временем тоже заснул. Но это был не сон. Это было то, чему он никак не мог подобрать слова, чтобы описать это. На какое-то время по всему его телу прошла дрожь, через некоторое время она прекратилась. При этом у него в области лба возникло слабое давление, сменившееся ощущением пустоты. И он увидел картину. Эта картина и раньше часто преследовала его во сне, но тогда он не мог уловить ее смысл. Сейчас же он понял, что означала эта картина. Он увидел себя как бы со стороны. При этом он был окружен неким коконом, имеющем несколько слоев. С внешней стороны кокона был яркий мир, состоявший, казалось, только из света. Внешний свет, проходя сквозь кокон,

причудливо преломлялся и создавал на его внутренних оболочках красочные картины. Одной из этих картин, расположенной на самой внутренней оболочке кокона, была картина, в которой он лежал в объятиях женщины. На других оболочках были другие картины, которые по мере приближения во вне становились все более яркими, но менее понятными. Это он и раньше видел во сне, но не так ярко. Сейчас же все было очень ярким и отчетливым. И благодаря своей яркости и отчетливости, все сразу стало понятно ему. Он, наконец, понял, что мир, который видит человек, является лишь преломлением истинного мира. А кокон является лишь защитной оболочкой, служащей для того, чтобы сохранить человеческий разум от встречи с ним, ибо этот мир настолько сложен, что неподготовленный человек может не выдержать и сойти с ума. Засыпая, он подумал, что, наверное, по мере развития человек должен отбрасывать эти оболочки своего кокона за ненадобностью. Это, наверное, и есть путь к свободе, — была последняя его мысль, перед тем он окончательно заснул.

Когда он проснулся, было яркое утро, какое он никогда не видел в этой местности. Это ощущение, наверное, было следствием того, что ему никогда ранее не приходилось встречать новый день на открытом воздухе. Там, во дворце, солнечный свет, проникающий в его спальню, не был ярким. Женщина уже встала, она была одета в свое высохшее платье. Она, стоя у порога, расчесывала свои черные густые

волосы. Услышав его движение, она обернулась, и ласково улыбнулась ему. Он подошел к ней и нежно обнял ее со спины. Она в ответ, повернувшись, нежно, уже без сильной страсти поцеловала его и, засмеявшись, сказала:

— А ты любишь, как Бог, — помолчав, некоторое время и пристально вглядываясь в его глаза, добавила, — или как Дьявол, что, наверное, одно и то же.

Потом она опять нежно прижалась к нему, опять поцеловала и, смеясь, но как-то более серьезно сказала:

— Ты не от мира сего, в тебе живет неземная страсть и любовь. Эта страсть всегда нравится женщинам, так как она поднимает нас. Но мы, женщины, все же плоть от плоти земные, и нам опасны такая страсть и огонь. Прости меня, я ухожу, но всегда буду помнить о тебе.

С этими словами женщина, как бы не хотя, сопротивляясь чему-то, что могло опять стать сильнее ее, оторвала свое тело от него. Она в последний раз посмотрела на него, видно стараясь запомнить его черты, его улыбку, повернулась и вышла из хижины, и, не оборачиваясь, пошла по тропинке в сторону, откуда пришел юноша.

До него, наконец, дошел смысл всего сказанного женщиной. Женщины не хотят разрушать ту оболочку, которую он видел ночью в своем полусне, хотя они и прекрасно знают о ее существовании.

Заратустра очнулся от своих воспоминаний. Из состояния задумчивости его вывел шум открываемой двери. Был уже поздний вечер. Солнце садилось. Дверь открылась, и в камеру вошел охранник, принесший ужин, состоявший из кувшина с вином и куска вареного мяса. Неплохо для тюрьмы, — подумал Заратустра. Он дождался, когда охранник, закрыв за собой дверь, вышел, и принялся с аппетитом есть. С того момента, как он ел в последний раз, прошло более шести часов, и он успел проголодаться. Поев и выпив вино, он лег на жесткий топчан, стоявший у стены. В этот первый вечер на несвободе он долго не мог заснуть. Перед сном ему вспомнилось, как его, в возрасте двенадцати лет, отец отправил одного с караваном в Индию. Сейчас он совсем по-новому взглянул на все, что говорил ему отец перед дорогой. Заратустра сейчас понимал, что отец говорил о таких вещах, которые нельзя объяснить словами. И тогда отец, зная это, просил лишь запомнить все, о чем он говорит. Сейчас Заратустра понимал, что отец надеялся, что впоследствии он, его сын, все это вспомнит и когда-нибудь поймет, что же он хотел тогда сказать.

Это произошло давно, более пятнадцати лет назад, тогда ему исполнилось двенадцать лет. В то утро отец рано поднял его с постели. После завтрака он позвал его с собой на прогулку. Они вышли из дома, быстро пересекли те несколько улиц, которые отделяли их дом от границы города, и уда-

лились по большой, натопанной копытами лошадей и верблюдов, дороге прочь. В играх со своими друзьями так далеко от города он никогда еще не удалялся. Пройдя чуть менее получаса, отец свернул на небольшую тропинку, вившуюся между небольших кустарников. Пройдя немного по ней, они очутились на границе пустыни, которая простиралась на несколько сотен миль далеко на восток. Отец присел на землю и знаком предложил сеть и ему. Он смотрел далеко на восток, туда, где за горизонтом кончалась, вернее, не кончалась, а продолжалась эта великая пустошь. Казалось, что эта пустошь, полная жара, солнца и песка, никогда не может кончиться. Он посмотрел на сына так, как иногда смотрел, ожидая услышать ответ на самый из трудных вопросов, которыми он проверял, как его сын усвоил то, что накануне он ему рассказывал, и произнес:

– Ты уже стал взрослым, Иса, – и опять посмотрел на него, словно ожидая реакции.

Он тогда ничего не ответил, он не знал, что значит быть взрослым в этом мире. Поэтому он только вопросительно посмотрел на своего отца и перекинул свой взгляд на пустыню, которая завораживала своей бескрайней безжизненностью, но эта безжизненность не пугала его, а почему-то звала и манила. Как может манить неизвестная незнакомая женщина, которую ты еще не встретил, но ты знаешь, что она есть, и ходит где-то по земле, ожидая встречи с тобой. Встречи, которая, может быть, никогда и не состоится.

Отец, верно поняв взгляд сына, сказал:

– Да, ты уже взрослый, я уже тебе ничего не могу дать больше, чтобы ты понял то самое главное, что может сделать человек со своей жизнью. Я тебе не могу сейчас объяснить того, к чему надо стремиться в этой жизни. Потому, что ты уже построил свой маленький мир, в котором чувствуешь себя спокойно и свободно. Поэтому мне трудно будет что-либо объяснить, так как ум твой закрыт неумолимой логикой этого мира. Но ты должен разрушить этот мир. Разрушить для того, чтобы обрести настоящую свободу, которая является единственным даром, который может приобрести человек на Земле. Тем даром, который доступен всем, а дается лишь единицам. Но чтобы воспользоваться этим даром, тебе необходимо все понять самому. Объяснения только все испортят.

Отец еще говорил много непонятных слов, которые из его уст так и сыпались. Казалось, он хотел наговориться перед каким-то событием, после которого у него долго не будет возможности сказать что-либо сыну. Он не просил, чтобы тот что-либо понял из его сложной речи, он хотел лишь того, чтобы он максимально полно запомнил его слова, смысл которых, как он надеялся, сын поймет много позже. Выговорившись, он, наконец, сказал:

– Сын мой, ты уже взрослый. Взрослый в том смысле, что я тебе больше ничего не могу дать. Поэтому завтра на рассвете ты отправляешься с караваном, который идет на восток

в далекую Индию. С предводителем каравана я уже договорился. Он доставит тебя в Индию к моему давнему другу Готаме. Путешествие и жизнь в Индии должны тебя подтолкнуть к той цели, о которой я тебе говорил.

Вспоминая сейчас все, о чем тогда говорил ему отец, Заратустра понял, что тогда он дал ему инструкции, которым он, сам, не замечая того, все время следовал. Это позволило ему прийти к пониманию того, что надо стремиться к свободе, ибо только это стремление делает жизнь человека полной, придает ей истинный смысл. Он прочитал много книг, в которых мудрецы и философы размышляли о смысле жизни, но ни в одной из них он не нашел ответа. Но, неосознанно следуя инструкциям отца, он, наконец, почувствовал, в чем заключается этот смысл. Однако этот смысл был так многозначен и широк, нет, вернее сказать, полон, что человеческих слов не хватало, чтобы объяснить его. Сейчас, вспоминая давний разговор с отцом, он понял, в чем заключалась его ошибка, когда он в стремлении излить истину, которая стала ему открываться после той первой ночи, проведенной им вне дворца, пытался словами объяснить ее людям. Он понял, что настоящую истину можно объяснить, лишь поставив человека в такие обстоятельства, когда у него не будет другого выхода. Он подивился искусности отца, который, как он сейчас это видел, ловко подстроил все таким образом, чтобы произошло то главное, что произошло с ним. Только сейчас понял, что все разговоры с людьми об истине всегда

будут уходить в пустоту человеческой обыденной жизни. А понимание истины всегда требует выхода за те рамки, которые люди называют человечностью.

Он со временем, много позже того разговора с отцом, понял, что человек, не достигший в течение своей жизни свободы, подобен цветку, который так и не дал плодов. Он теперь прекрасно понимал, что все земное существование имеет смысл лишь тогда, когда каждый миг твоей жизни продиктован стремлением к полноте бытия. Стремлением выйти за рамки того условного бытия, в какое человек с самого рождения втискивается, ибо это необходимо для того, что жить и существовать в обществе. Эти рамки и называются человечностью, но весь смысл существования в обществе и заключается в том, чтобы, развиваясь и живя в этом обществе, найти в себе те силы и ту энергию, которая позволит найти путь за рамки человечности.

Он, тогда еще мальчиком, плохо понимал, что такое свобода, о которой говорил ему отец. Он склонялся к тому, что свобода – это есть отсутствие рабства, хотя смутно понимал, что это не так. Сейчас же, в свои двадцать восемь, он уже очень хорошо знал, что такое свобода, и что она дает, но он никак не мог понять, как можно достигнуть этого. Он знал, что самое главное препятствие на пути к свободе состоит в особенностях того процесса, который называется рождением и смертью. В момент смерти что-то происходит с человеком, и в следующем воплощении он уже теряет весь свой

опыт, накопленный в этой жизни. Вернее, этот опыт есть, но он почему-то становится недоступным.

Сейчас, находясь в этой странно комфортной тюремной камере, Заратустра вспомнил первый день своего путешествия через пустыню, ибо он был самым важным и ярким из всех тех десяти, пока караван пересекал эти безжизненные земли.

Отец заплатил предводителю каравана, идущего в далекую Индию, немалые деньги, чтобы тот в целости и сохранности доставил его к своему другу, которого он называл непривычным именем Готама. Оба они, предводитель каравана и отец, понимали, что эта плата не является гарантией того, что мальчик благополучно доберется до далекой страны. Но плата была гарантией тому, что для этого будет сделано многое. Оба они понимали, что для этого предводитель каравана не сделает все возможное, ибо караван для него был более ценен, чем этот мальчик, который только начал жить, и пока ничего из себя не представляет.

Так он думал тогда, сидя на горбе верблюда, которой следовал за верблюдом предводителя. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралась безжизненная пустыня. Эта безжизненность нарушалась только одиноким полетом большекрылых птиц, наверняка, падальщиков, которые, медленно кружась, выискивали среди безжизненных барханов те живые существа, которые не смогли устоять против зноя и песка, и пали. Но то ли жители пустыни, которые в этот зной по-

прятались, были так малочисленны, либо они были так живучи, что ни разу за весь день, пока следовал караван, мальчику не удалось увидеть, чтобы хотя бы одна из этих птиц полетела вниз за добычей. Солнце уже прошло зенит и продолжало неуклонно катиться к своему закату, но до заката было еще далеко, и от прогретого песка и от все еще яркого солнца было так жарко, что все путники, да и мальчик тоже, накинули на головы свои капюшоны, без которых был немислим походный наряд караванщиков, этих единственных живых созданий в этой пустыне, кто не прятался от зноя, а шел вперед. Весь смысл существования каравана был в движении. Необходимо было пересечь пустыню так быстро, пока не кончились запасы воды и еды. Воду и еду, чтобы не перегружать и так уже нагруженных товаром верблюдов, нельзя было брать в неограниченных количествах. Караван двигался мерно, и неумолимо. Искусство предводителя заключалось в правильном выборе ритма движения и скорости, чтобы, не утомляя верблюдов и погонщиков, все же как можно быстрее пересечь этот самый опасный участок их пути, каким являлась равнина, на которой на сотни миль вокруг не встретишь ни колодца, ни единого зеленого листочка.

Тогда давно, сидя на горбе верблюда, он вспомнил, что как-то, гуляя с отцом, он заметил, если предположить, что в мире нет ничего и никого кроме тебя одного единственного, и также предположить – все, что ты видишь, слышишь, ощущаешь всеми органами своих чувств, является лишь иг-

рой твоего ума, — то никаким образом, логически невозможно доказать противоположное. Тогда эта мысль только позабавила его, но она глубоко запала в его душу. И вот, двигаясь с караваном по пустыне, он вспомнил эту свою детскую мысль, и сейчас она ему показалась не только забавной. Мерное покачивание верблюда, на спине которого он сидел, начало убаюкивать его, и он незаметно для себя впал в сон, но, как понял потом, это был не сон, а что-то другое, другое состояние существования. В этом странном сне он также ехал на верблюде, но перед ним была уже не пустыня..., трудно было назвать, что было перед ним, привычные понятия не подходили для описания всего, что он видел, но видел не то слово, которым можно было бы сказать, как все это ему являлось. Перед его глазами..., нет, не перед глазами — глаза его были закрыты, а перед тем, что внутри его самого все это видало, было пространство, заполненное разноцветными огненными линиями, которые, казалось, шли отовсюду. Эти линии нигде не начинались, и нигде не кончались — они просто всюду были.

При этом он почувствовал, что как бы разделился на двоих. Одна его часть была очень напугана и даже встревожена, другая же была спокойна, и, казалось, тайно радовалась и с насмешкой смотрела на первую. Было похоже, эта радость исходила от того, что первой части удалось это увидеть и удивиться. Это видение продолжалось, как ему показалось, недолго, но, когда он очнулся, был уже вечер, солнце было

на горизонте. Караван остановился, и погонщики развьючивали верблюдов и готовились к отдыху. Кто-то, набрав сухих веток саксаула, разжигал костер, кто-то возился у походных котлов, готовя еду, а один из погонщиков дергал его за ногу, предлагая спуститься с верблюда и помочь его развьючить. Значит, – подумал мальчик, – в необычном состоянии забывтья он находился не меньше двух часов, но по его ощущениям прошло очень мало времени, потому как он даже толком не успел рассмотреть открывшуюся ему необычную картину.

Сейчас, вспоминая все это, он понял, что тогда ему начала открываться истинная сущность этого мира, который всегда является более широким, чем все то, на что способно все человеческое воображение человека. Размышляя и вспоминая, Заратустра незаметно для себя заснул. Ему в эту ночь ничего не приснилось или, если и приснилось, он просто этого не запомнил.

* * *

Утром его разбудил шум открываемой двери. Заратустра, неожиданно для себя, быстро вскочил с постели. У порога стояли два стражника. Один из них сказал:

– Тебя желает видеть Великий и Блистательный повелитель Измавил. Следуй за нами.

Заратустра, не совсем пришедший в себя после сна, встал и последовал за ними. Стражники были довольно молоды,

если и старше его, то ненамного. Один шел впереди, другой сзади. Их лица, на первый взгляд, казались непроницаемыми. Но Заратустра, умевший уже понимать то, что люди пытаются прятать за выражением своих лиц, легко прочитал настроение обоих. Стражник, который шел впереди, был еще не опытен в делах, он служил во дворце не больше месяца. Во всей походке и манерах читалось стремление показать всю важность выполняемых им обязанностей. Вот и сегодня утром, когда его командир приказал вести пленника, схваченного вчера шпионами тайной стражи, он с гордостью и радостью быстро собрался и в сопровождении более старшего стражника пришел к дверям камеры, в которой обычно держали знатных узников. Какого же было его удивление, когда узник оказался на вид простым человеком. На вид ему было ничуть не больше тридцати. Одет он был в простую одежду, какую носят все обыватели этого города. Лицо его было чуть удлинненным, с острым подбородком, нос был прямой и тонкий и, если бы не смуглость кожи, его легко можно было принять за эллина. Греческие сандалии на его ногах тоже говорили о таком происхождении, а смуглость лица легко можно было объяснить тем, что оно загорело на солнце в результате долгих скитаний. О том, что человек по образу своей жизни является бродягой, говорили еще его глаза зеленоватого цвета, слегка выцветшие под солнцем. Такое часто бывает с людьми, кто много времени проводит под солнцем.

Второй стражник, более опытный в делах, ничуть не уди-

вился виду узника, находившегося в камере, которая предназначалась для знатных и опасных заговорщиков. Он по ходу своей долгой службы во дворце привык ко всему. Он шел сзади. Для предотвращения возможных попыток побега, при конвоировании важных и опасных преступников, сзади должен быть более опытный. Но, судя по тому, как узник шел, он даже не замышлял об этом. Его движения отличались легкостью и непринужденностью, он, шагая как-то легко и просто, передвигал ногами, ставя их всегда таким образом, что создавалось ощущение, что он не шел, а как бы летел. Его непринужденное выражение лица, на которое обратил внимание второй стражник, когда узник выходил из камеры, и его легкая, казалось, небрежная походка говорили о том, что того ничуть не беспокоит встреча с Блистательным Измавиллом. Хотя не все важные преступники удостоивались ее перед судом, этот же человек шел, словно так оно и должно было быть.

Так размышляя и раздумывая, они все трое незаметно для себя дошли до большой железной двери. За этой дверью была камера, где Измавил, отгородившись от пленника решеткой, так как были случаи попыток нападения, по обыкновению единолично, часто с глазу на глаз, допрашивал наиболее важных преступников. Стражники молча, гремя железными запорами, открыли дверь и втолкнули за нее своего подопечного, и, ни слова не говоря, заперли ее.

Первое, что увидел Заратустра, когда попал в комнату до-

просов, были глаза, которые смотрели на него ярко и пронзительно. Казалось, от этого взгляда ничто не может ускользнуть, настолько он был цепким и изучающим. Заратустра посмотрел в ответ спокойно и почти равнодушно, его зеленоватые глаза легко скользнули по лицу царя, осмотрели его одежду, состоящую из ярко красной рубашки, черных кавалерийских штанов, и мягких кожаных сапог, затем они снова поднялись к лицу, которое было слегка круглым. Борода и усы добавляли возраст, но яркость глаз, несмотря на мудрость, которая чувствовалась в них, говорила, что их обладатель никак не старше сорока лет, а, может быть, и моложе этого возраста лет на пять.

Так непринужденно, казалось, не замечая глаз, которые могли бы загипнотизировать иного, Заратустра рассматривал царя, стоявшего, как он это только сейчас заметил, за решетчатой перегородкой. Наконец, их взгляды встретились. Жесткий, прямой, как стрела, взгляд Измавила почти утонул в простых, ничего не выражающих глазах Заратустры. Измавил, не в силах отвести свои глаза, начал как бы погружаться в вечность, олицетворением которой был взгляд этого человека. Этот человек, не напрягаясь, расслабленно смотрел ему прямо в глаза, но при этом казалось, что он проникает в его душу и вот сейчас узнает или уже узнал все его сокровенные мысли и желания. От этого ощущения Измавилу стало не по себе и даже страшно, и он с большим трудом отвел глаза. После этого он, стараясь избегать встречи с его глаза-

ми, как-то особенно, по-другому посмотрел на пленника, отделенного от него решеткой. Ему, Великому царю, никогда еще не приходилось отворачивать свой взгляд при встрече с людьми. Страх, который он испытал, был лишь инстинктивным и неосознанным, поэтому он быстро прошел. Немного придя в себя, Измавил более спокойно и с большим интересом рассмотрел своего пленника. От его глаз не ускользнула отрешенность, какая читалась во всем облике этого человека, способного спокойно встретить его взгляд. Его глаза перестали быть бездонными, но Измавил больше не рискнул встретиться с ними. На какой-то момент ему стало неловко от той паузы, которая продолжалась уже более четверти часа, но, зная ценность паузы, он все не решался заговорить с этим странным узником, который в первые же минуты знакомства так его ошеломил.

После долгого молчания, он, наконец, спросил спокойным и твердым голосом:

– Ты знаешь, почему тебя арестовали?

– Не знаю. Тебе лучше знать, ведь меня арестовали по твоему приказу и кому другому лучше знать, почему меня заточили в камеру, которую трудно было бы назвать тюремной, если бы не запертая дверь. – Просто и непринужденно ответил ему его собеседник.

Измавил, не удивился независимому тону, каким разговаривал с ним этот человек в простой одежде, с простым открытым лицом. После взгляда, каким он обменялся с ним,

его уже ничего не удивляло в этом заключенном. Поэтому он спокойно сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.